

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

7

ИЮЛЬ 1982

КОСТЁР

7
ИЮЛЬ
1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Строки из летописи
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина 3
- Малые Звоны
рассказ Л. Кузьмина 4
- На флаг и гюйс. Смирно.
очерк М. Белоусова 9
- Барабан 12
- Большая улица
главы из повести
Д. Верещагина 16
- Трактористка Оля
рассказ о делегате
XIX съезда ВЛКСМ 20
- И труд, и подвиг
к 60-летию СССР 22
- Пора ожиданий
отрывок из повести
Агу Содномова 24
- Путь в Колу
повесть П. Губанова 27
- Дорога к нефти
очерк А. Мищенко 36
- Морская газета 38
- Школа будущих командиров 40
- Спортклуб «Кузнечик» 42
- Веселый звонок 44
- Арчбек 46
- Стихи твоих ровесников 48

В день 60-летнего юбилея пионери
к юным ленинцам страны
обратился с Приветствием
Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
товарищ Л. И. Брежнев.

ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Дорогие юные ленинцы!

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза горячо и сердечно поздравляю вас, ваших вожатых, учителей и родителей с большим, радостным праздником — 60-летием Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

От первых пионерских отрядов до многомиллионной детской коммунистической организации — вот замечательный путь, который прошла под руководством партии и своего боевого вожатого — Ленинского комсомола пионерия Страны Советов. Летопись пионерской организации — неотделимая частица славной биографии нашей многонациональной Родины. Многие поколения советских людей получили в пионерских коллективах первые уроки идейной закалки, коллективизма и товарищества, навсегда сохранили добрые воспоминания о своем пионерском отряде! Наша партия высоко ценит работу пионерской организации по воспитанию у школьников трудолюбия, прилежания в учении, горячего стремления быть верными традициям старших поколений. Нас радует, что юная смена растет пытливей, любознательней, жизнерадостней, горячо любящей свою социалистическую Отчизну.

Партия и советский народ делают все для того, чтобы вы, дорогие ребята, жили под мирным небом, чтобы ваше детство было счастливым и радостным. Этим благородным целям служат планы, намеченные XXVI съездом нашей партии. В стране ежегодно строятся сотни новых школ, дворцов пионеров, здравниц и пионерских лагерей. Цените и сохраняйте все, что дает вам Советское государство, растите трудолюбивыми, умелыми и бережливыми хозяевами страны, готовьте себя к этому за школьной партой, в техническом кружке, на опытном поле, в активной общественной работе.

В этом году народы нашей страны отмечают 60-ю годовщину образования Союза Советских Социалистических Республик. Крепите дружбу сверстников всех братских республик, будьте патриотами-интернационалистами.

Главная задача пионерской организации — помогать партии, комсомолу, школе растить сознательных борцов за коммунистические идеалы, воспитывать ребят на примере жизни и деятельности великого Ленина.

Пионерские годы — прекрасная пора для формирования высоких гражданских качеств. Надо наполнить жизнь отрядов и дружин настоящей романтикой, полезными делами, крепкой дружбой с героями ратного и трудового подвига. Пусть спутником каждого отряда станут звонкие песни, увлекательные походы и игры, спортивные состязания.

Юные пионеры! Вы — смена Ленинского комсомола! С честью, высоко и достойно несите красные пионерские знамена! Будьте всегда готовы к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза!

Л. БРЕЖНЕВ.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БЮРО ЦК ВЛКСМ

О НАГРАЖДЕНИИ ВСЕ- СОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ПАМЯТНЫМ ЗНАМЕНЕМ ЦК ВЛКСМ

За большой вклад в дело коммунистического воспитания подрастающего поколения в духе ленинских заветов, на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа, Коммунистической партии и в связи с 60-летием со дня образования наградить Всесоюзную пионерскую организацию имени В. И. Ленина Памятным знаменем Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

*В песне той, что играет горнист,
Слышим мы революции эхо.
Я сейчас — пионер, завтра я — коммунист,
Гражданин двадцать первого века.*

Москва. Красная площадь. 19 мая 1982 года.

В дни, когда в Кремлевском Дворце съездов работал XIX съезд комсомола, пионерия страны отмечала свое шестидесятилетие.

На свой пионерский парад собрались представители правофланговых дружин Москвы и союзных республик — посланцы двадцатимиллионного отряда юных ленинцев.

Биография пионерии неотделима от героической истории нашего народа.

Страна помнит первую колонну пионерских тракторов, участие юных коммунаров в ликвидации неграмотности и борьбе за новую жизнь в деревне.

Имена Павлика Морозова, Коли Мяготина и многих других пионеров, павших от рук врагов социализма, навеки вписаны в историю Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

А когда грянула война, пионеры после занятий в школе дежурили в госпиталях, тушили зажигалки во время налетов, собирали деньги на пионерские танки и самолеты, шефствовали над семьями фронтовиков.

Пионеры-герои сражались на фронте и в тылу врага. Многие пионерские дружины страны названы именами Лени Голикова, Зины Портновой, Вали Котика, Марата Казея.

Всесоюзная пионерская организация носит имя великого Ленина. На ее знамени — два ордена Ленина. Нет для пионера выше долга, чем учиться, жить и работать по-ленински, по-коммунистически!

Миллионы ребят участвуют в операции «Зернышко», «Пионерская ферма», собирают металлолом для нефтепровода «Уренгой-Центр», собирают лекарственные травы, работают в отрядах голубых и зеленых патрулей.

Каждая десятая тонна бумажного сырья — пионерская. 3 миллиона тонн металла для мостов и рельсов БАМа собраны ребятами!

Красными следопытами установлены тысячи имен советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, открыто 9 тысяч школьных музеев.

В юнармейских батальонах военно-спортивной игры «Зарница», в «Стартах надежд», соревнованиях «Кожаного мяча» и «Золотой шайбы» воспитывают юные ленинцы отвагу, силу и ловкость.

Таковыми же пионеры помогают расти своей смене — октябряткам.

Вот сколько интересных и полезных дел на счету пионерии! Всесоюзный марш пионерских отрядов продолжается!

1967

СТРОКИ ИЗ ЛЕТОПИСИ

1972

Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Год 1967-й. Следопыты города на Неве получили письмо от Семена Михайловича Буденного:

«Дорогие ребята, красные следопыты Ленинграда!

Вы первыми начали сбор материалов о героях революции, гражданской и Отечественной войн.

К 50-летию Советской власти у вас по дружинам проходила эстафета РВС. Сейчас она финиширует у штаба революции — Смольного.

Примите мой привет и пожелания расти смелыми, мужественными, трудолюбивыми. Продолжайте дальше свое благородное дело.

Маршал Советского Союза
С. Буденный».

1968-й. Новороссийск. «Березовка» взяла курс к берегам героического Вьетнама.

На борту теплохода тысячи подарков советских пионеров для вьетнамских школьников. 15 союзных республик прислали своих делегатов в Новороссийск на Всесоюзную пионерскую линейку, посвященную проводам «Березовки».

1969-й. 12 апреля прошел Всесоюзный субботник, посвященный великому почину — 50-летию со дня первого субботника в стране. Вместе со взрослыми трудились и ребята. Деньги, заработанные на субботнике, пионеры и школьники перечислили на строительство Дворца пионеров на Чукотке.

1970-й. Летом 1970 года в Ленинграде на 4-м Всесоюзном слете подведены итоги экспедиции «Заветам Ленина верны», начатой по инициативе пионеров Ульяновска, Ленинграда, Москвы, Казани, Горького и посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Пионеры создавали школьные ленинские музеи, совершали походы по ленинским местам, встречались со старыми коммунистами, героями труда, награжденными орденом Ленина.

1971-й. Отрядами голубых патрулей в Ростовской области спасено 28,5 миллиона маль-

ков судака, леща, сазана и других рыб. Ребята обследовали 378 гектаров пойменных водоемов, прорыли множество каналов к большой воде.

1972-й. «История советской пионерии, — говорится в постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза „О 50-лети Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина“, — неотделима от героической истории нашего народа и ярко подтверждает ленинскую мысль о том, что организация детей — лучший путь воспитать коммунаров. Летопись детского движения богата примерами патриотизма, самоотверженности, подлинного героизма.

Пионерская организация и сегодня активно способствует воспитанию в каждом школьнике лучших черт советского гражданина».

За большую работу по воспитанию детей в духе ленинских заветов и в связи с 50-летием со дня образования Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина награждена орденом Ленина.

В 1-ом номере «Костра» за этот год мы обратились к вам, ребята, с призывом записывать воспоминания ваших дедушек и бабушек, ветеранов войны и труда — тех, кто в двадцатых, тридцатых годах и позже носил на груди красный галстук, был участником славных дел пионерии в те героические годы.

В редакцию пришло много ваших заметок и сообщений. Самые важные и интересные будут напечатаны в «Барабане».

Малые Звоны — это Катина деревенька. За деревенькой в кузнице пылает горн, у горна — Катин отец. И вот, как только он выхватит из огня жаркую подкову или раскаленный лемех для тракторного плуга, да начнет бить по ним молотом, так сразу и становится понятно, откуда у деревеньки такое название.

— От кузнечной музыки! — подтверждает отец, если у них и дома с Катей да с матерью заходит об этом разговор. — От моей музыки, от дедовой, от прадедовой... Ну и, конечно, оттого, что деревенька наша в самом деле маленькая. Была бы побольше, называлась бы погромче. Скажем, Большие Звоны или даже Великие.

Катя смеется:

— А зачем нам Великие? Нам и в Малых хорошо!

Она рассказывает про корову Буренку с телепочком, которые по утрам из теплого хлева выходят: «Мы-ы тебе ра-ады, Катя!» — на весь двор

— Тогда выйдет уморушка: все в школу бегут сами, на своих на двоих, а я чуть ли не верхом на тракторе, да еще и с Буренкой... Нет, я же говорю, что не забуду!

И вот наступает день, когда Катя в самом деле отправляется в школу. Идут они вместе с матерью, и настроение у Кати прекрасное. Она в новом платье с белым фартуком, у нее новенький портфель, а мать повязалась розовой косынкой и вся стала от этой косынки еще моложе, еще красивей. В одной руке у матери пестрая сумка с Катиными запасными платьишками, а другой рукой она крепко держит Катину теплую ладонь.

Дорога вьется по скошенным лугам. Утро синее. Ивы у речки начали кое-где желтеть, но стрижи на юг еще не улетели. Они, как бы провожая Катю, проносятся низко над дорогой, а сама Катя все оглядывается на только что пройденный мостик, на крутой обрыв над речкой и на деревеньку.

МАЛЫЕ ЗВОНЫ

РАССКАЗ

Л. КУЗЬМИН

Рисунки Ю. Шабанова

мычат; рассказывает о быстрых стрижах и стрижатах, которые вьются над здешней речкой; говорит про кота Ваську, про его ласковое на крыльце, на солнышке мурлыканье; вспоминает даже отцовских приятелей-трактористов.

— Они вон какие заботливые! Лишь где встретятся, обязательно спросят: «Как жизнь, Катя Кузнецова?» Да еще и скажут: «Передай твоим папе с мамой привет!»

Тут Катя делает передышку, взглядывает на отца, на мать, добавляет:

— Нет, я когда вырасту, и то отсюда ни за что не уеду!

— Не уедешь, так скоро уйдешь... — ласково, но чуть с подвохом улыбается мать. — В интернат уйдешь, в школу. А школа в поселке за речкой, отсюда за четыре километра, а в интернате — друзья, подружки... Поживешь с ними, поживешь, да родную-то деревеньку вдруг и забудешь. Что тогда нам делать?

— Еще слышней названивать! — отвечает за Катю отец. — Если случится такое, я так трезвонить в кузнице примусь, что долетит и до школы и Катя нас мигом вспомнит... Ну, а если нет, — корову на веревочку, дом на трактор, кота в охапку, да и сами двинемся за Катей. Были жителями деревенскими, станем поселковыми. Чем плохо? Может, так сразу и сделаем в первое сентября?

Катя смотрит изумленно на отца, потом хочется:

Чем дальше они с матерью уходят в луга, тем обрыв с красно-желтыми рябинами наверху кажется ниже, деревенька меньше. А скоро не стало заметно даже крыш. Только в том месте, где кузница, поднимается тонкий дым. Он слабый, легкий, и Катя говорит:

— Папа горн разжег, а не работает. Наверное, стоит и смотрит нам вслед. Видит он нас теперь или не видит?

— Видит, — отвечает мать. — Тут раздолье!

— А правда, если он по мне соскучится, то сразу так начнет названивать, так названивать, что я этот звон и в школе услышу?

— Может и услышишь. Если постараться... Папкину кузницу по хорошей погоде слышать далеко. Я сама, бывало, уйду за чем-нибудь в поселок, а как про дом вспомню, так тут же мне и чудится, что слышу звон в нашей кузнице... Слабенько, издале-ека, издалека, но — различаю, и мне уже спокойнее.

Так, разговаривая и крепко держась за руки, они шагают все дальше.

Гладкая дорога ведет их сначала опустелым, тихим лугом, потом через холмистые, в молодой озими поля. Навстречу им, как белые гуси, облака плывут, вокруг, тоже медленно, по голубому воздуху скользят серебряные паутинки, и светлое настроение у Кати не убывает.

А когда наконец показалась окраина районного поселка со старым парком, когда открылась из-за осенних, словно оплеснутых золотом, берез шум-

ная школа с просторными окнами, то и тут все у них пошло замечательно.

Заведующая Елена Петровна, плотная, невысокая, не старше Катиной матери женщина в коричневом, под цвет глаз, платье, быстро, через весь свой кабинет простучала каблуками навстречу и прямо так и сказала:

— Вот как славно, что Катюша теперь тоже у нас! С днем первого сентября, с праздником!

Катя сначала удивилась, откуда заведующая знает ее, но и тут же догадалась: «Это она маму знает, а я очень похожа на маму!» — и от удовольствия зарумянилась, а мама за Катю и за себя с поклоном ответила:

— И вас с праздником, и вас...

Елена же Петровна как начала со слова «славно», так потом это «славно» говорила все время.

Она говорила его и тогда, когда они шли по коридору сквозь весело глазевшую на Катю мальчишечью и девчоночью толпу. И тогда, когда показывала маме на распахнутые двери классов.

И когда зашли в комнату для тех девочек, которые, так же как Катя, станут здесь жить до выходного дня.

— Вот видите, все ребята у нас очень славные... Вот, гляньте, как славно мы нынче успели все покрасить, все подготовить в классах к началу занятий... Посмотрите, какая у нас тут славная, очень удобная спальня для девочек. Я думаю, Кате понравится.

А Кате действительно все тут понравилось, только вдруг почему-то пригорюнилась мать.

Она опустила на тумбочку сумку с платьишками, провела темной, почти дочерна загоревшей на солнце, на полевой работе рукой по светлому покрывалу Катиной койки, вздохнула:

— Надо же! Такие несмышлениши, и уже — в общежитии. Прямо не могу... Елена Петровна! Миленькая! Вы уж за Катей-то присмотрите. Она лишь с виду шустрая, а на самом деле ничего еще не видывала, нигде не бывала. Затолкают ее ребяташки.

— Не затолкают, — успокоила Елена Петровна. — У нас все точно такие же, как Катя. А в классе я к ней подсажу Иванову Манечку, девочку славную, рассудительную. Да и сама всегда буду тут. Катин класс — мой класс, так что ни себя, ни Катю не расстраивайте.

Мать, чтобы Катю не расстраивать, заторопилась, заизвинялась, да тут и грянул колокольчик на школьной половине.

Мать обхватила, невольно стиснула теплыми ладонями Катино лицо, поспешно чмокнула в губы один раз, другой, третий:

— Что это я в самом деле сбиваю тебя с толку? Беги с Еленой Петровной, беги, старайся, учись...

И Катя осталась в школе, стала стараться, и старание это ей сразу показалось ничуть не трудным.

Весело было учиться приветствовать Елену Петровну, когда она входит в класс. Она специально для этого опять вышла за дверь, опять вошла, и все как надо вскочили, и все как надо прокричали, хотя и вразнобой, да зато громко, словно стрижи на Катиной речке:

— Здравствуй!

Интересно было рассматривать вместе с Еленой Петровной букварь. Слушать, как на учительском столе в маленьком проигрывателе вдруг зашуршала пластинка, и там кто-то запел песенку: «То березка, то рябина...», и все стали песенке подтягивать. Не очень трудно было срисовывать с доски в тетрадки косые палочки, а потом в классе произошло даже смешное. Елена Петровна сказала, что если кому что надо спросить, если кому что срочно понадобится, то для этого сначала полагается поднять руку, — и руку сразу поднял Леша Пухов. Он сказал:

— Мне надо скорее доесть пирожки с морковкой. Мне их бабушка назавертывала целую сумку, сказала: «Ешь, пока горячие!», а я их сразу все съесть не успел, а они уже чуть теплые. Так давайте, пока не совсем остыли, доедем их вместе.

Леша тут же полез было в парту за пирожками, но Елена Петровна остановила его:

— погоди, Леша! Вот когда пойдем в столовую, тогда твоих пирожков и отведаем. Да не только отведаем, а еще и скажем спасибо тебе и твоей бабушке. Пирожки с морковкой если остынут — все равно очень славные на вкус. Потерпишь?

И Леша ответил, что потерпит, заулыбался, и весь класс тоже заулыбался, потому что всем очень и очень понравилось, что Елена Петровна так вот хорошо поговорила с Лешей.

А Катя тронула соседку Манечку, шепнула ей на ухо:

— Нам бы тоже о чем-нибудь Елену Петровну спросить. А то она с Лешей поговорила, а с нами еще нет.

И рассудительная Манечка ответила очень рассудительно:

— Будем на уроке шептаться — поговорит. Да еще как!

Но Елена Петровна сказала:

— Я вижу, все устали, всем хочется побесе-

довать, так давайте побеседуем. А ну, кто знает какие загадки?

Тут мигом руки подняли все. Весь класс зашумел:

— Я знаю! Я!

И все теперь по очереди вставали, все говорили свои загадки. А ответы кричали опять хором, потому что загадки-то были простенькие, давным-давно каждому знакомые:

— Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка... — начнет торопливо загадчик, а класс уже радостно шумит:

— Месяц!

— Без рук, без топоренка построена избенка, — скажет другой, а класс уже опять шумит:

— Гнездышко!

— Зимой и летом одним цветом, — выкрикнет третий, но и ему ответ готов:

— Елка!

И только, когда Катя загадала свою загадку, класс притих, потому что никто в классе не знал, что ответить.

Катя сказала складно:

— Стоит высоко,

Видать далеко,

И звенит весь день:

«Динь-дилинь-день-день!»

Что это такое?

Кто-то неуверенно произнес, что это, быть может, школьный колокольчик. Кто-то еще неувереннее возразил, что это больше смахивает на птичку-жаворонка, да тут же от своей догадки и отказался. Даже сама Елена Петровна пожала плечами:

— Нет, я тоже такой загадки никогда не слышала.

— Ее никто еще не слышал! — засмеялась Катя. — Мы ее с папкой придумали. Это, знаете, что? Это — наша деревенька Малые Звоны с кузницей. Понятно? Это она:

Стоит высоко,

Видать ее далеко,

И звенит в ней весь день —

Динь-дилинь-день-день...

— Теперь понятно! — обрадовалась Елена Петровна. — Молодцы вы с папой. Сочинили не только загадку, а и настоящую песенку.

И тут, конечно, все ребяташки в классе загалдели, что и они могли бы рассказать немало интересного про свои села, деревеньки и даже, может быть, сочинить песенки, но Елена Петровна замахала:

— Верю! Уймитесь. Времени у нас в году много, послушаем всех.

Уроки пролетели незаметно, а потом был обед, где, кроме супа, каши, киселя да молока, ели еще и Лешины пирожки с морковкой. Правда, целиком пирожков на всех не хватило. Каждый пришлось резать на три части. Но то, что пирожки вкусные, распробовали все, даже нянечка, которая помогала накрывать на столы, даже веселая, румяная повариха на кухне за раздаточным окном и, конечно, сама Елена Петровна.

И все сказали:

— Спасибо тебе, Леша. Спасибо тебе и твоей

бабушке. Передай ей от нас самый сердечный привет.

Большеухий, волосы ежиком Леша сидел именинником, улыбался:

— Передам, передам... Обязательно передам! Завтра еще пирожков принесу.

А когда Елена Петровна объявила, что тот, кто живет в поселке, может идти домой, а для интернатских наступил тихий час, то интернатские мальчики пошли в свою спальную комнату, девочки — в свою, и скоро все стихло.

Стихло в спальне, в коридоре, даже на улице. Елена Петровна осторожно затворила за собою дверь, ушла к себе в кабинет, а Катя лежит калачиком под одеялом и — не спит.

Не спит она, во-первых, потому, что спать в такую пору не привыкла. Комната хотя и полутемная, над окнами с воли хотя и нависают желтые ветви берез, но за березами — день, солнце, высокая в просветах листвы синева.

А во-вторых, Катя лежит и видит: с койки рядом из-под одеяла на нее посматривает Манечка. Глаза у Манечки шустрые, черненькие, веселые, — сразу понятно, спать она тоже не думает.

— Ка-атенька... — шепчет она тихо. — Тебе тут хорошо?

— Хорошо-о... — еще тише отвечает Катя. — Хорошо, да вот не сплю.

— И я не сплю, — выпрастывает голову из-под одеяла Манечка, опирается на руку, на подушку. — Я все, знаешь, про что думаю? Про то, что давай, Катенька, теперь дружить. Давай так, чтобы и тут в школе всегда вместе, и по выходным дням и по всем праздникам вместе.

— Не получится, — отвечает шепотом Катя. — По праздникам папы-мамы нас будут домой забирать.

— А мы попросим, чтобы они нам разрешили ходить друг к дружке в гости. Сначала ты ко мне, в мою деревню на Октябрьские праздники, потом я в твою на Новый год... Я знаю, тебя отпустят. Папа у тебя вон какой, загадки помогает тебе придумывать, да и мама, наверное, очень добрая.

Слышать хорошее про своих мать-отца куда как приятно. Катя негромко, так чтобы не разбудить в спальне других девочек, смеется:

— Папка-то с мамкой у меня — чудачки! Говорят, если соскучимся по тебе, так сразу дом на трактор, корову на веревочку, и подкатим сюда к школе. Скажем: «Стук-постук! Где наша Катя тут? Не желаем жить от нее вдалеке, желаем жить рядышком!» Правда, обсмеешься?

— Правда! — улыбается Манечка.

Но тут же добавляет:

— И все-таки жить всем вместе, конечно, луч-

ше... Вон Леша Пухов — раз! — и дома. Сидит теперь со своими, хвастается как пирожками нас угощал.

— Про школу рассказывает, — соглашается Катя.

Потом вдруг вздыхает:

— Я бы вот тоже так посидела, я бы вот тоже с папой, с мамой сейчас поговорила хотя бы чуть-чуть...

И девочки смолкают, каждая думает о своем. Но у спокойной Манечки и думы спокойные, она мало-помалу начинает задремывать, а вот у Кати желание спать пропало совсем.

Ей видится Буренка с теленочком, стрижи над речкой, кот Васька на лавке; она припоминает и тот веселый разговор с отцом, когда он сказал, что если чуть что, так сразу начнет звенеть в наковаленку. Так начнет, что Катя даже и здесь, в интернате, даже вдали от дома его услышит.

И Катя медленно поднялась, медленно натянула платье, тихо пошла меж узеньких коек к окну спальни.

— Ты куда? — сонно, не открывая глаз, спросила Манечка, но Катя лишь молча показала рукой: «Лежи, лежи, я сейчас...»

У подоконника она привстала на цыпочки, прислушалась. Потом перешла к другому окну, опять прислушалась. Ни там, ни тут дальнего звона было не слышать.

«Деревья мешают... На улицу надо...» — подумала Катя, а Манечка опять, но теперь во весь полный голос спросила:

— Да куда же ты? Елена Петровна увидит, заругается.

Но и вновь Катя показала рукой: «Лежи, лежи!»

Она отворила дверь, прошла по коридору, открыла осторожно вторую дверь и оказалась на крыльце. Только не на том широком крыльце, через которое они входили утром с матерью, а на запасном, рядом с кухней.

Окна кухни были раскрыты настежь, затянуты белой марлей. Оттуда слышались негромкие женские голоса. Там плескалась вода, брякала посуда. Потом что-то звонкое упало, все на кухне рассмеялись, опять заговорили неразборчиво.

Оттого, что голоса доносились как бы с расстояния, школьный двор показался Кате удивительно пустынным, совсем тихим. В этой тиши хорошо был слышен слабый шелест роняющих листву берез, робкий треск запоздалого кузнечика в примятой траве, воробьиная возня под окнами кухни, а вот дальний звук папкиной наковаленки, сколько бы Катя не прислушивалась, сюда не прилетал.

— Да что это такое? Почему же папка не звонит? То говорил, названивать буду, а теперь не звонит и не звонит... Неужели сам про меня позабыл?

Кате стало тревожно.

Катя шагнула вниз на одну ступеньку, на другую ступеньку, спустилась с крыльца, все быстрее да быстрее пошла через двор к калитке.

За спиной у нее, уже не в кухне, а в самой

школе, в гулком и, наверное, все еще пустом коридоре вдруг хлопнула какая-то дверь, вдруг кто-то закричал, заговорил — похоже Манечка, похоже Елена Петровна, — но Катя выскочила на просторную под березами улицу, понеслась во весь дух.

Она теперь не думала, догоняет ее кто или не догоняет. Ей казалось теперь, что если там, за окраиной поселка, за покато уходящим вверх огромным полем наковаленка не зазвенит, то, значит, произошло что-то совсем непоправимое. Испуганной Кате мерещилось: если кузнечного звона не слышно во дворе за школой, не слышно за поселком в школе, то, значит, больше нет нигде и самого папы, нет мамы, и вся их деревенька вместе с речкой, вместе со стрижами, вместе с белыми облаками сгинула тоже.

И Катя на бегу, чуть ли не плача, все приговаривала:

— Ой, папонька, позвони! Ой, миленький, возьми молоточек, стукни скорей по наковаленке!

Топот собственных ног мешал ей слушать. Она приостанавливалась, на миг замирала, и опять ударялась по тропе вверх.

А сзади кричат, стараются настичь Катю Елена Петровна и Манечка:

— Постой! Куда ты? Постой!

Мчатся за Катей им пришлось бы долго, да тут на полпути к полевому перевалу, к высокому гребню холма тропка вдруг раздвоилась. Один поворот вильнул круто влево, другой вправо, и Катя замешкалась.

Елена Петровна догнала Катю, обхватила:

— Что хоть такое случилось-то?

— Мне вон туда надо! Мне надо там наверху постоять, на свою деревеньку посмотреть!

— Зачем? — удивилась Елена Петровна, да лицо у Кати было такое, что тут же Елена Петровна и сказала:

— Тогда давайте скорее вместе поглядим!

И они прямо без тропки, прямо по молодому, осеннему клеверу побежали еще выше.

Шустрая Манечка семенила рядом. Она-то уже давно все поняла и теперь торопливо объясняла Елене Петровне про тот разговор в спальне, и про то, как Катя пустилась наутек.

Елена Петровна Манечку не перебивала, лишь все поглядывала на нее:

— Не отставай, Манечка, сама не отставай...

Катя Манечку не перебивала тоже. Она торопилась подняться на макушку холма, и вот поднялась, всплеснула руками, счастливо крикнула:

— Стоит моя деревенька! Стоит! А ну, тише, Манечка... Давайте поглядим, послушаем.

И они все трое примолкли, стали глядеть. И хотя через всю долину, которая теперь лежала у них под ногами, до Катиной деревеньки было не близко, они увидели и узенькую вдали речку, и стрижиный обрыв над речкой, и даже, как показалось Кате, дымок над папиной кузницей.

А когда прислушались, то всем яснее ясного почудилось, что мчится к ним по синему воздуху и тонкий звон кузнечной наковаленки:

— Динь-дилинь! Динь-дилинь!

«...под боевые знамена армии и флота встают восемнадцатилетние парни, родившиеся спустя восемнадцать лет после Великой Победы. Им предстоит научиться умело и уверенно действовать в любой обстановке, при предельных физических нагрузках».

Из отчетного доклада
первого секретаря ЦК ВЛКСМ
Б. Н. ПАСТУХОВА
на XIX съезде комсомола

НА ФЛАГ И ГЮЙС. СМІРНО.

Едва успел сосчитать до десяти, как ахнул залп. Чуть опомнился — залп снова. Вся батарея рррразом! Палуба дрожала, как живая. Минута, другая, третья... Мне казалось, что я уже оглох, что лопнули мои барабанные перепонки — так громко били пушки. Я понял, что ради этих минут и существует крейсер. Тысячи часов учебы, тренировок и корабельных тревог работают на эти минуты. И когда бы ни пришел приказ, крейсер готов к бою. Всегда готов.

— Кто заряжает пушку? — спросил меня лейтенант Женя. Женя — бывший нахимовец, учился в Ленинграде. В нахимовское поступил после восьмого класса. В море, можно сказать, человек бывалый. Решил проэкзаменоваться, поду-

мал я про его вопрос. И быстро ответил:

— Пушку заряжает комендор!

— В общем, правильно, — сказал Женя. — А стреляет кто?

Я удивился: что за вопрос? Но Женя вдруг сказал:

— Не торопись. Давай, я сам отвечу на него. Стреляет весь корабль.

Потом лейтенант Женя рассказал мне множество разных историй из походной жизни. Он познакомил меня с героями этих историй — они были рядом, на корабле. Я разговаривал с ними об их службе. А когда вернулся на берег, то решил, что напишу про эти истории в журнал. Пусть узнают читатели «Костра», как живет крейсер.

История первая, **ПРО СКОРУЮ ПОМОЩЬ В ДАЛЬНОМ ПОХОДЕ**

Океан, будто во сне, спокойно дышал. Не поднимался штормовыми валами, не ветрил, не качал. Пенистый след крейсера долго не зарастал позади. Он был похож на линию, проведенную мелом по черной доске океана. Как по ниточке вели корабль рулевые. Оглянешься, и видно, откуда он держит путь. А вот что будет дальше — военная тайна. Ее знает командир, получивший приказ. И весь корабль беспрекословно слушается своего командира. Правда, бывают случаи, когда не все на борту крейсера делается точно в срок. Особые случаи.

Вот как, например, было и в этом походе. Все шло хорошо. В урочный час вахта сменила вахту, приняв на себя заботы о крейсере. Но не ушли со своего поста один офицер и два матроса. Никому не передал свой скальпель доктор Алексеенко. Две вахты выстоял. А с ним — матросы Колесник и Йонайтис.

85 минут горел свет в операционной над уснувшим под наркозом матросом Федоренко. Конечно, долго. А сама вахта скорой помощи началась намного раньше операции. Когда заболевшего радиометриста Федоренко доставили в корабельный лазарет.

Никто не знал, что с ним. То он жаловался на боль в одном боку, то в другом, она появлялась в совершенно неожиданных местах. Сразу диагноз тут не поставишь. Доктор Алексеенко назначил разные обследования. И его помощники Колесник и Йонайтис строго по порядку проверяли все симптомы для каждой из возможных болезней. Нельзя было допустить врачебной ошибки.

Всю ночь шла проверка диагноза. У Федоренко аппендикс, из-за которого он страдал, обнаружился не там, где обычно у всех людей, и поэтому сбивал с толку доктора. И лишь перед самым подъемом флага вспыхнул свет в операционной. И когда наверху вахтенный офицер скомандовал: «На флаг и гюйс. Смирно.», скальпель доктора Алексеенко уже делал свое благородное дело.

В ту ночь крейсер не изменил курса, не позвал на помощь. Комсомольцы к обеду вывесили в кубрике «молнию» с портретами «ассистентов» Колесника и Йонайтиса. Для них это была первая операция в море. А в кают-компании офицеры поздравляли с успехом старшего лейтенанта Алексеенко. С седьмой операцией на крейсере.

Через неделю матрос Сережа Федоренко ушел из лазарета к своим радиометристам. Никто ему так и не сказал, что случай с ним был особый. Зачем тревожить выздоравливающего?

История вторая, **ПРО ГОРЯЧИЙ КОТЕЛ И ОТВАЖНЫХ МОРЯКОВ**

В топке словно змеи шипели. Это вода, вырвавшись из трубок, уходила в адский пар. Через дырки или свищи, как их называют котельщики. Срочно надо было найти эти свищи. А котел всего полчаса как разожгли. Крейсер прибавлял ходу, чтобы точно в срок выйти в нужный район океана. Там он по приказу должен был встретиться с другим кораблем. Нельзя опоздать.

Сколько трубок пробило и где, снаружи не определишь. Надо лезть в котел, искать, отключать неисправные трубки, потом снова проверять, все ли свищи замолчали.

Для начала Виталий Наволоцкий выключил котел. Теперь вода побежала мимо котла, обходным путем. Свищи затихли. Надо было ждать, пока упадет температура.

Внутри котла было двести или даже триста градусов жары. Ждать, пока остынет, означало, что потом, после ремонта, надо будет опять разогревать котел. А это лишнее время. Дорога была каждая минута. И старшина Виталий Наволоцкий сказал своему командиру: — Ждать нельзя.

Старшина знал, что командир никого не пошлет в такое пекло. Значит, нужны добровольцы. Люди, которые не боятся риска. Котельщики переглянулись. И вызвались все. Окончательное решение было за старшиной. Он дольше всех на крейсере, лучше всех знает свое котельное хозяйство. Ему и решать, кто из матросов полезет в котел. И старшина решил: первым пойдет его друг Виталий Перебейнос. А он будет наготове на случай, если потребуется срочная помощь.

Термокостюм во многом похож на водолазный. Быстро нарядили в него Перебейноса. Подтянули к котлу шланг от вентилятора, чтобы матрос не задохнулся и чтобы в котле было хоть чуть-чуть похолодней. Триста градусов не шутка!

Пять раз залезал вовнутрь Виталий Перебейнос. Нашел

наконец трубки со свищами. Их было две. Он отключил их.

А крейсер был все ближе и ближе к цели. Шел, выжимая из оставшихся котлов полную мощь.

...Больше двух-трех минут в котле не выдержать даже в термокостюме. Назад матроса вытаскивали все вместе. Через два часа Перебейнос, отдышавшись, еле слышно сказал:

— Все. Включайте котел. — И чуть не потерял сознание.

Котел включили. Потом заработала машина, вырабатывающая ток. От нее закрутился двигатель. Сила двигателя передалась гребным винтам крейсера. Ход увеличился. И пожалуй, можно было немного передохнуть. Но не удалось. В топке котла вдруг опять зашвистело: свищ! Еще один.

И тогда стал переодеваться сам старшина. Пригодились его сила и опыт.

Старшина Наволоцкий пришел на крейсер уже моряком. Он плавал на буксире между Архангельском и Котласом. Был мотористом-рулевым. Так что на крейсер попал сразу, не как все матросы. Их еще на берегу специально обучали флотским премудростям. А Наволоцкий уже стоял на вахте у котла. Всего год послужил и стал командовать отделением. Еще год прошел, и старшина получил высшую военную квалификацию — первый класс. Сам учил матросов.

И вот теперь учитель должен был показать пример. Термокостюм не годился, слишком в узком месте пробился свищ. Старшина напялил сначала спортивную форму, сверху фуфайку, потом комбинезон и, покачиваясь, как космонавт в скафандре, зашагал к топке. Ему тоже пришлось сделать несколько заходов. Два часа работы в жару. Но вот трубка проверена водой под давлением: все в порядке.

Потом, когда собрались все котельщики, кто-то из матросов-новичков поинтересовался, как это Виталию удалось, ни одного шрама, ни одного ожога? А старшина засмеялся и сказал:

— В огне не горю.

История третья, ПРО РАЗБИТУЮ МИШЕНЬ

— Вот, смотри, — показал мне на фотографию командир дивизиона главного калибра. — Видишь? Первый след. Второй. Еще один.

Но я абсолютно ничего не видел. Ничего не мог разобрать на этой почти черной фотографии, хотя сам снимаю еще с первого класса. А командир дивизиона все-таки убеждал меня в том, что следы от снарядов точно на цели. Потом я убедился: старший лейтенант был прав — здорово стреляли его батареи.

Первым увидел цель в море самолет-разведчик. Быстро передал на крейсер о своих наблюдениях. За ним радиолокаторы крейсера поймали ночью нарушителя. «Мурманск» лег на боевой курс, готовый к артиллерийской атаке. Задвигались тяжелые башни. Это означало, что центральный пост уже выдал матросам у орудий тайну моря:

— Курс... Скорость... Курсовой угол...

Вот все, что нужно было знать. Зеленые лампочки вспыхнули перед глазами наводчиков. Значит, башня смотрит на цель. Теперь все решает командир. Но командиру нужна не одна готовая к бою пушка, не одна башня. Ему нужна полная готовность — чтобы можно было дать залп.

— Товсь! — скомандовал управляющий огнем офицер.

Еще миг, и наконец долгожданная команда:

— Ревун!

Матрос-сигнальщик, исполняя волю командира, почти ударяет по кнопке. Резкий звук, похожий на короткий гудок электрички. Вместо ответа — мощный залп. Ухают переборки. От удара осыпается с потолка в каютах краска. Вдребезги разбиваются несколько плафонов. Снова залп! Потом еще. Сквозь ночь, сквозь туман за горизонт летят снаряды с крейсера.

Утром специальная комиссия выехала на осмотр мишеней,

по которой так яростно бил ночью крейсер «Мурманск». В этой комиссии были артиллеристы, воевавшие в Великую Отечественную войну. Они — самые строгие экзаменаторы. Крейсер уже четыре раза побеждал на таких стрельбах. Четыре раза был награжден призом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР. И опять Северный флот доверил «Мурманску» участвовать в этом огневом состязании.

Снаряды попали в мишень так кучно, что даже выдавшие виды рабочие, ремонтирующие мишени, изрядно бранились в тот день. Артиллеристы разворотили всю конструкцию, заодно перепортив и находившиеся на плавучей мишени запасные части к ней. А ведь стреляли-то снарядами, внутри которых не было взрывчатки. Представляете, что бы было, если бы по-настоящему!

В кают-компании крейсера я увидел портреты адмиралов Нахимова и Ушакова. Прочел там слова Ушакова: «Стрелять как возможно скоро, однако, с доброй прицелкой, дабы действительно выстрелы были, а не гром один». Во много раз лучше стреляли в ту ночь командоры крейсера. Вернее, командоры заряжали, а стрелял весь корабль. Опять завоевал он приз Главнокомандующего. В пятый раз!

Из фотографий, которые показал мне командир дивизиона, можно было бы устроить фотовыставку. Такая выставка сделает честь наследникам великих адмиралов. Сразу будет видно: добрая прицелка у артиллеристов Северного флота. А кто не поймет, что означают светлые точки на фотографии, так командир быстро научит в них разбираться.

История четвертая, ПРО МОРСКОЙ ХАРАКТЕР

Рано утром, едва исчезло за сопками северное сияние, рейдовый катер доставил на борт «Мурманска» группу очень беспокойных моряков.

Самому старшему из них было тринадцать лет. Это мальчишки прибыли на борт вернувшегося из похода корабля. Здесь, на крейсере, у них свой клуб. С рейда видна школа.

— На флаг и гюйс. Смирно. — скомандовал в микрофон вахтенный офицер. И вдруг резко прибавилось роста у мальчишек. Они стали строгими, красивыми, почти настоящими матросами.

Потом, после подъема флага, я их видел в разных кубриках корабля. Кто возился с радиостанцией. Кто вязал морские узлы под надзором боцмана. Кто разбирался с флажками на сигнальном мостике крейсера.

Лейтенант Женя, бывший нахимовец, сказал мне, что он был очень похож на этих мальчишек, когда пришел в училище. Все было страшно интересно, но пока еще мало известно. А потом он много учился. И как самый строгий наблюдатель стоял у набережной крейсера «Аврора» и ждал от нахимовцев отличных отметок, морской дисциплины. И все нахимовцы старались быть достойными славы русских моряков.

В самом большом кубрике крейсера «Мурманск» после кинофильма «Морской характер» мы разговорились с юными моряками.

— А кто из вас скажет про свой характер? — спросил я.

— У меня он электрический, — сразу ответил Игорь Егоров. Я еще раньше заметил: Игорь ну прямо-таки экзаменовал матроса-телеграфиста своими «почему?» Папа у Игоря — радиоконструктор.

— А у меня — отцовский характер, — сказал Алеша Сарафанов, не фокусничая, как Игорь. У Алеши папа — капитан третьего ранга. Алеша собрался поступать в Нахимовское. Только надо закончить сначала шестой, потом седьмой и еще восьмой класс.

— Ну, а у меня, пожалуй, морской характер, — подвел итог Коля Резунук. — Ведь если живешь у моря, разве можно иметь другой характер?

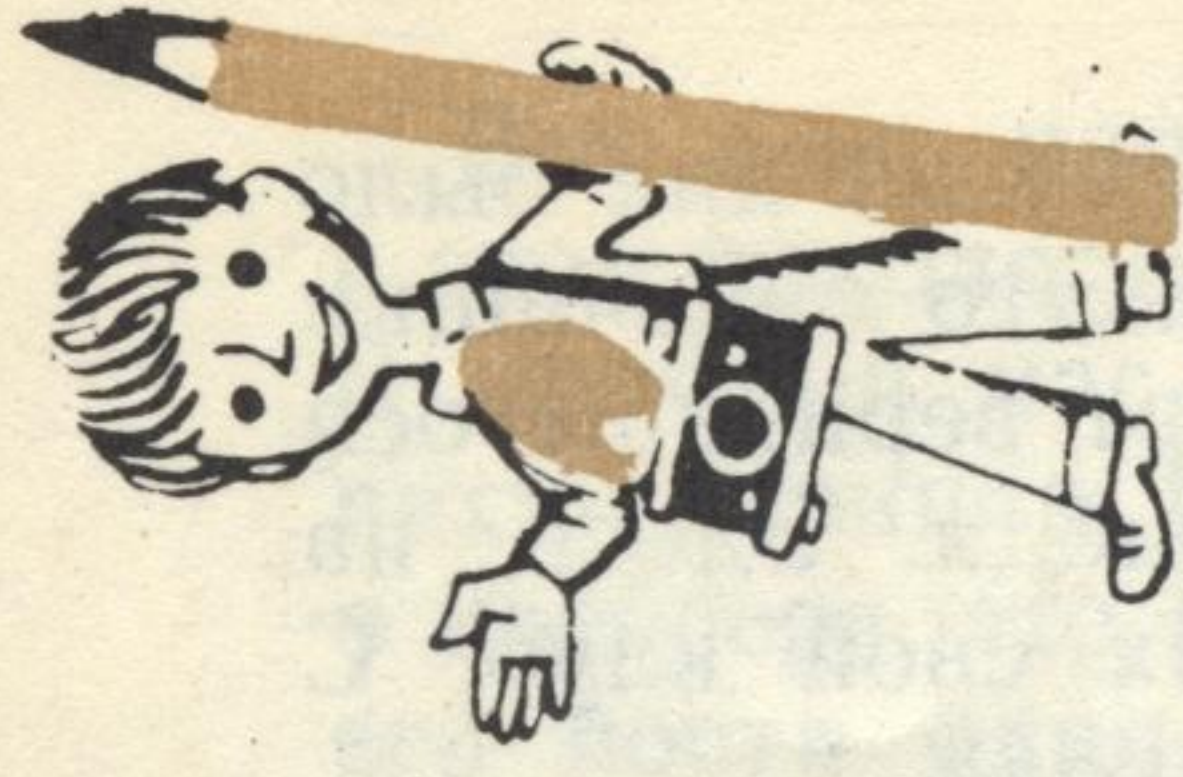
И все с ним согласились.

М. БЕЛОУСОВ

МАРАТ

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

ПИОНЕРЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

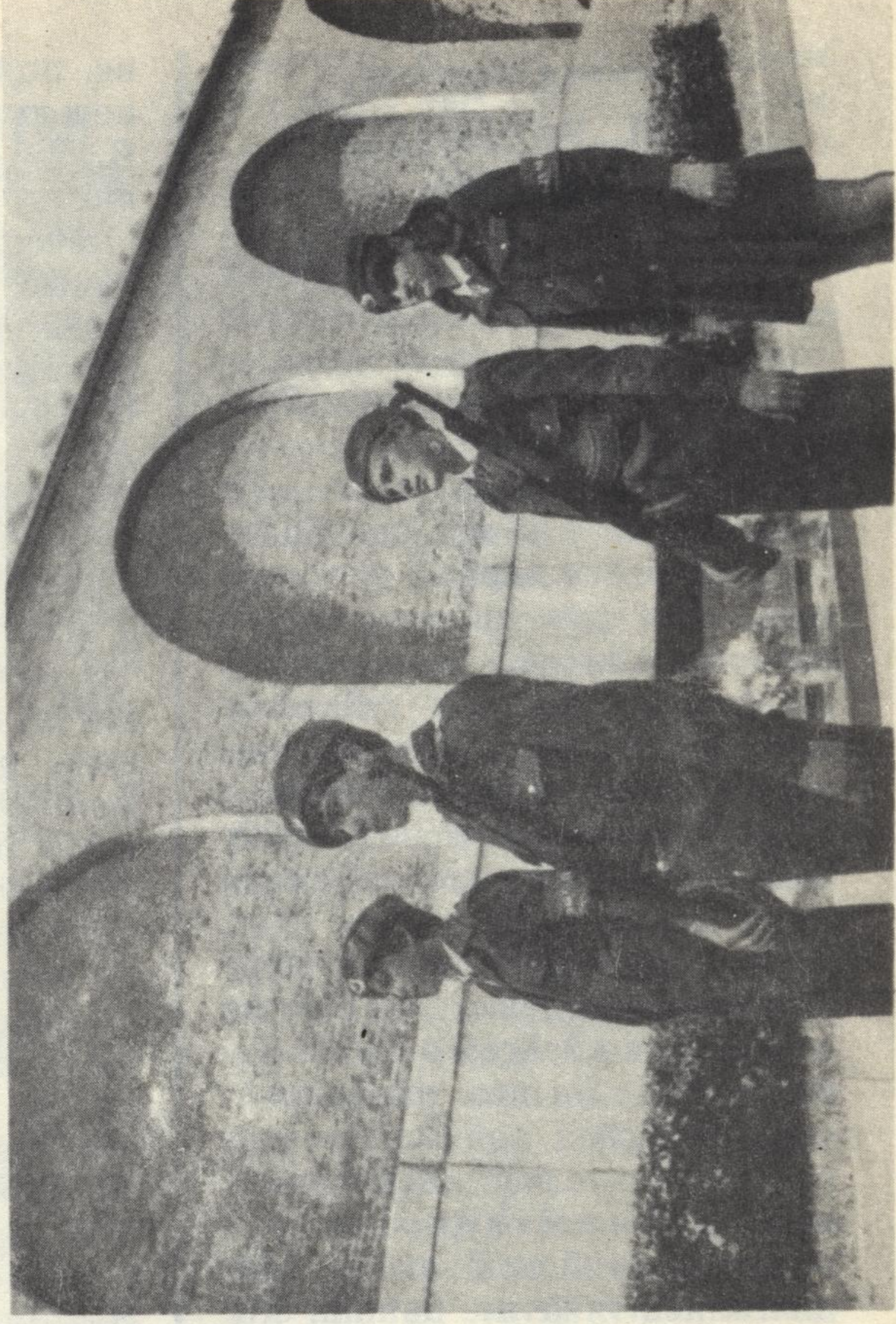
но снят. Ребята за верность
присяге награждены почетны-
ми знаками Поста № 1.

Сергея Уваров,
Школа-интернат № 1,
Новгород

НЕ ПОКИНУЛИ ПОСТ

9 мая 1975 года в Новгородском кремле у Вечного огня был установлен постоянный Почетный комсомольско-пионерский пост. С тех пор каждый день лучшие пионеры и комсомольцы нашего города заступают в почетный караул у мемориала «Огонь Вечной Славы».

А недавно произошел вот какой случай. Сильный ливневый дождь с градом при порывистом ветре погасил факел. Газ грозил опасностью. Но чаровые Эрнст Лебедев, Володя Ловушкин и Лена Свиридова не покинули пост. Только по приказу штаба поста и рекомендации аварийной службы города караул был времен-

НАШ КАЛЕНДАРЬ ★★

14 июля - 20 лет назад Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир приняла Послание к народам мира

25 июля - День Военно-Морского Флота СССР

ПЯТИЛЕТКА ТРУДОВЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ

Найрамгал

Еще в прошлом году я научилась водить трактор. И вот теперь я работаю в ученической бригаде. Бригадир у нас Витя Лукашевич. Он тоже тракторист. А всего нас, старшекласников, работающих вместе со взрослыми в колхозе «Советская Сибирь» — 60 человек. За нами закреплен свой участок: десять гектаров картофеля, пять гектаров свеклы и полтора гектара огурцов, моркови и лука. Работаем дружно и стараемся перевыполнить дневную норму. А еще нам помогают ребята из Монголии, которые учатся в Москаленском СПТУ № 29, а у нас в колхозе проходят производственную практику. После работы мы вместе играем в волейбол, теннис или шахматы. Мы очень подружилась. А дружба по-монгольски звучит очень красиво — найрамдал.

Оля Сартисон,
Краснознаменская школа,
Москаленский район,
Омская область

★ *Тысячи маленьких
солны*

Летом, как и в дни учебы, в нашей школе работает сборочный цех. А трудятся в нем все желающие, кто еще в мае подал заявление: «Прошу зачислить в летнюю рабочую бригаду...»

Мы собираем светильники. Шефы — рабочие ифаринского завода светотехнического оборудования — доставляют в цех комплекты деталей. А мы раскручиваем патроны, потом закрепляем провода, устанавливаем скобу, собираем патрон, устанавливаем его в корпус светильника, ставим зажимы. Операции несложные, но помощь заводу большая. В прошлом году собрали около 82 тысяч светильников. А этим летом решили собрать еще десять тысяч штук. Работает в цехе и пионерский коллектив. Четвероклассники разбирают патроны, пятиклассники устанавливают скобы, а шестиклассники укладывают готовую продукцию в коробки, которые отправляются на торговую базу.

После работы обедаем в заводской столовой. А потом — речка, футбол и все, что и положено в каникулы. После школы многие из нас пойдут работать на завод, потому что еще в школе получат

второй разряд слесаря-сборщика.

Хурсанали Мусаев,
школа № 9,
поселок Ким,
Ленинабадская область

★ *Привет из
"Яблочного городка"*

Ряд палаток, окутанный яблочным запахом, пронизанный солнечными лучами — это наш городок.

У городка свои порядки. Утром нас ждет повар Хасан с горячим вкусным завтраком. Он всегда старается получить нас накормить перед работой. Позавтракаем и отправляемся трудиться. Собираем абрикосы, фиолетовую сливу, яблоки. До обеда каждый из нас собирает по три ящичка. Потом их увозят колхозники.

Возвращаемся в палатки, обедаем. Самое интересное начинается в городке после отдыха — конкурс на лучший танец, футбол.

«Яблочный городок» — это мы так называем его. А иначе, по-солидному, он называется лагерем труда и отдыха. **Эрнест Бектемиров,**
поселок Ахунбабаева,
Ташкентская область

МЫ — ГАЙДАРОВЦЫ

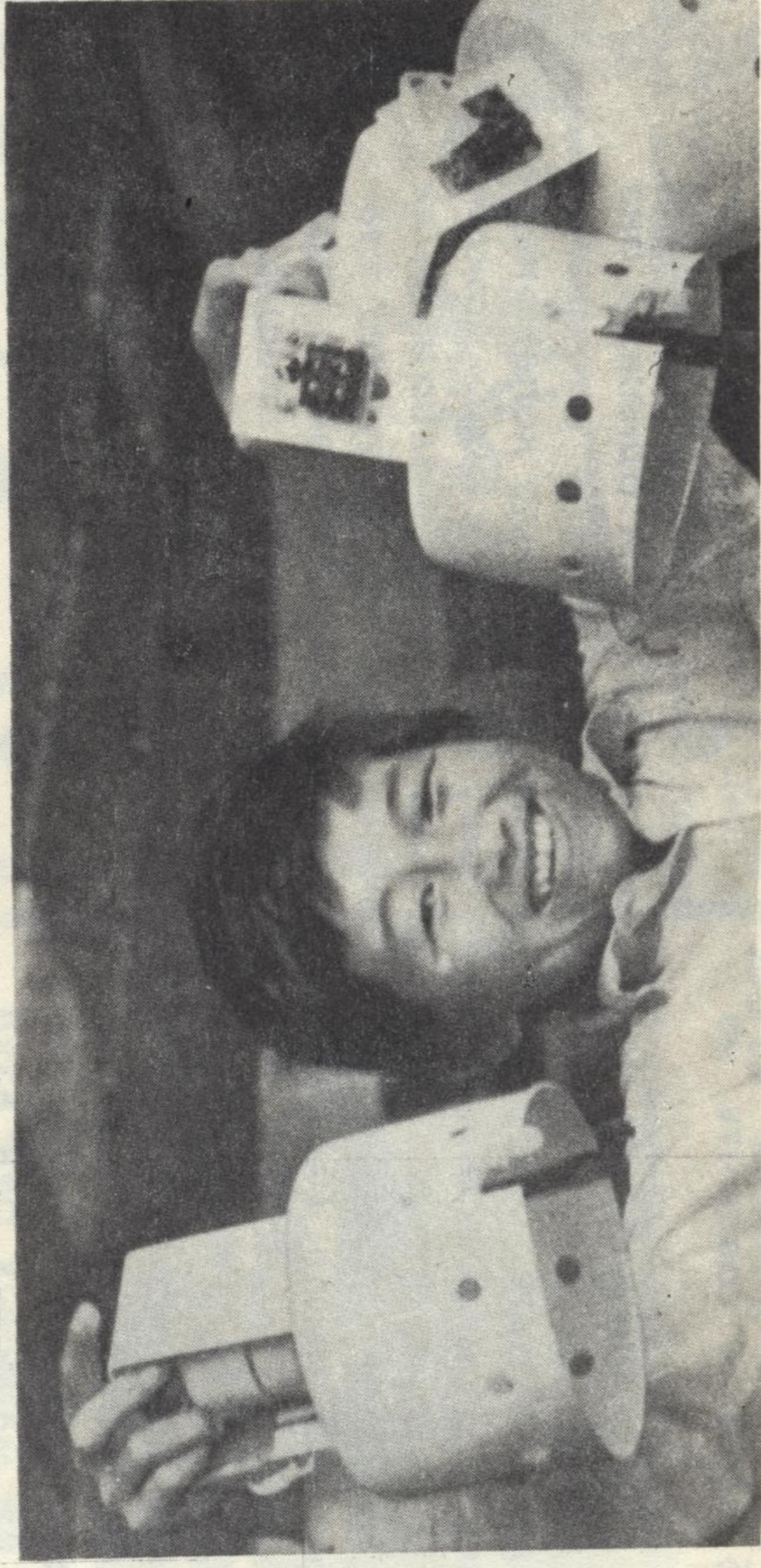
Отряд у нас носит имя А. П. Гайдара. Готовясь к делу памяти Гайдара, мы посадили 340 деревьев — целую аллею. Еще мы заботимся о ветеранах войны и проводим операцию «Малышок» — помогаем людям, у которых есть маленькие дети. Присматриваем за ребятами, читаем им книжки и мастерим маленькие игрушки. Нашу выставку детских игрушек и разных поделок показывали в Доме пионеров города Меленки.

Лена Курочкина,
село Войново,
Владимирская область

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

Наш отряд совершил три похода в окрестности Ясной Поляны. В лесу мы насобирали около тридцати килограммов рябины, боярышника, желудей и шишек. Этот корм пригодится зимой птицам. А для аптеки нарвали большую корзину красных ягод шиповника.

Андрей Клепиков,
4-й класс,
деревня Ясная Поляна,
Тульская область

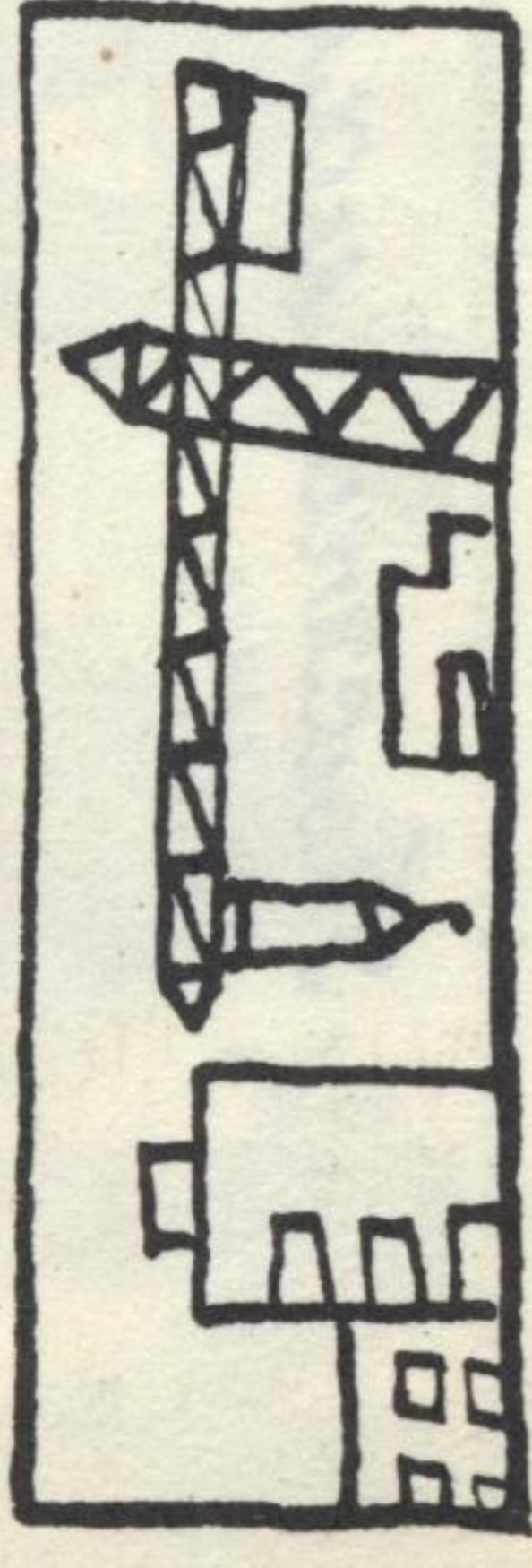

Моя Родина

СССР

Вырастет поселок

Мне хочется написать о моем сибирском селе Широной. В очень живописном месте Забайкалья расположено оно. Со всех сторон подступают к нему невысокие сопки, поросшие белоствольными березками и стройными лиственницами. В лесу много брусники и голубики, подосиновиков и груздей, земляники и жимолости. Я очень люблю эти леса и почти каждый день гуляю по лесным тропинкам.

В пяти километрах от нашего села строится поселок городского типа. Пока он только строится. Но пройдет несколько лет, и вырастет красивый поселок с многоэтажными домами, ровными улицами. Тогда и я тоже вырасту и буду работать здесь учительницей.

*Рая Нагумикова,
Читинская область*

Джудль не потерялся

Есть у меня собака по кличке Джудльбарс. То, что Джудль

самый красивый и самый умный, об этом и говорить не стоит.

Но вот случилась такая история. Пошли мы с ним в магазин хлеба купить. Я зашел в булочную, а Джудль, как обычно, у входа остался. Выхожу из магазина, собаки нет.

Долго я его искал. Расстроенный вернулся домой. А на встречу мне Джудльбарс. Оказывается, мама проходила мимо булочной. Он ее увидел. Вежливо подошел, сумку тыжелую из маминих рук взял и помог донести до дома.

Вот ведь какой пес! Только почему он маме не сказал, что я в магазине?

*Володя Семенов,
6 класс,
школа № 64,
Ташкент*

Ты да я...

Раушания — моя лучшая подруга. Общие у нас не только увлечения, но и пионерские дела. Я — председатель совета дружины, а Руша — заместитель. Любим мы с ней больше всего стихи и песни. Нам нравится петь: «Ты да я, да мы с тобой». Все свободное время мы проводим с ней вместе. У нас около леса есть большая гора. Зимой мы катаемся там на санках, а летом

любим ходить в лес за черемухой. Если Руша первая берет свою банку, обязательно мне поможет. А однажды она здорово выручила всю нашу семью. Надо было копать картошку, но зарядили дожди. Мама как раз на работе была очень занята, бабушка старенькая, а мне одной не управиться. Руша сама пришла, я ее не звала, и мы быстро выкопали картошку.

*Ляля Гумерова,
поселок Новый,
Татарская АССР*

О НАШИХ ВЗРОСЛЫХ

МАМИНА ПРОФЕССИЯ

О слюде известно давно. Применяли ее люди тоже очень давно. Но только недавно выяснилось, что слюда — самый незаменимый материал для радиоаппаратуры. Моя мама работает на слюдяной фабрике. Для обработки слюды нужны очень чуткие и нежные руки. Поэтому на фабрике, в основном, работают женщины. Профессии у них такие: шпательщица, резчица, штамповщица. Работа сложная и требует большого терпения.

*Роман Покровский,
7 класс,
школа № 18,
Петрозаводск*

Мойте руки не только перед едой

Я пишу грустное письмо. Одна девочка попросила у меня книгу про Буратино. Это моя любимая книга. Я даже просто полистать ее люблю. Там на каждой странице — красивый рисунок. Девочка долго не возвращала книгу, а когда принесла, я поскорее постаралась закончить дела, чтобы снова порадоваться. Открыла ее и обомлела: почти на каждой страничке — следы от грязных, жирных пальцев, а все рисунки обведены разноцветными шариковыми ручками. У меня от ужаса даже пот на лбу выступил. Я заплакала и хотела бежать к этой девочке, но ведь книгу уже не исправишь!

Решила написать в «Барбан». Фамилию девочки называть не буду, я на первый раз ей почти прощаю, хотя, конечно, больше книжек не дам. Но хочу сказать всем ребятам: мойте руки, прежде чем сесть читать, и не портите книги своими каракулями!

*Ира Клочкова,
Минусинск*

ПОМОГАЕМ КОЛХОЗУ

У нас в колхозе были заброшенные парники. Никто на них не работал. Мы, пионеры, взяли это на себя. Чтобы достать хорошее оборудование, сами заработали деньги, собирая металлоломом макулатуру. Теперь все мы работаем на парниках.

*Фатима Заласова,
СОАССР, село Дур-Дур*

Приехал я отдыхать к бабушке с дедушкой, а бабушка вдруг и говорит: «С завтрашнего дня будешь пасти телят».

Задолго до завтрака пошел я выгонять телят. Один еще был ничего — бычок как бычок: маленький такой, коричневый. Но второй — черный, с рогами, по кличке Мишка пошел прямо на меня, опустив рога. Я замахал прутиком перед его мордой, но бык угрожающе приближался. Тут я не выдержал и помчался от него. Мишка за мной. Тогда в отчаянии я схватил палку. И свершилось чудо — бык отступил. И больше никогда ко мне не приставал.

*Сергей Баляба,
Астрахань*

ПРАЗДНИК НА НЕВЕ.
Жуков, 10 лет, Ленинград

В. ЖУКОВ 10 ЛЕТ

"БАРАБАН" БЬЕТ ТРЕВОГУ!

Мальчишки курят

В нашей школе мальчишки 7—8 классов курят в туалете, не стесняясь учителей. Грубят старшим. Многие учителя отказываются вести уроки в 8 классе. Скоро мы кончим школу. И я боюсь: неужели в папачки у нас останется только плохое?

Может быть, это только у нас старшекласники курят? Может быть, мы—исключение?

*Н. Исханова,
Уральская область*

ПЛАТЬЕ

Ситец золотой и солнце золотое.
Ситец голубой и небо голубое.
Ситец пестрый, как цветы
Небывалой красоты.

И весенним майским днем
Я люблю кружиться в нем.

*Ира Романова,
3 класс,
школа № 154,
Ленинград*

«У Наташи была длинная шея с немного удивленным взглядом карих глаз».

«Я помогаю бабушке ухаживать за овощами и другими продуктами».

Барабашки

«Впервые жизнь на земле возникла в виде живых существ, которых ученые вывели в своих лабораториях».

«Теленок энергично прыгнул в яму».

Записали
Таня Данилова и Таня Занка,
члены юнкорского кружка
Шелеховского Дома пионеров,
Иркутская область

БОЛЬШАЯ УЛИЦА

Дмитрий ВЕРЕЩАГИН

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. Слепкова

Колодец

— Ой, вкусна! Ой, вкусна! Ой, вкусна!

Так поет колодец, когда крутишь барабан за ручку. Когда же ладони держишь на самом барабане, на зеркально гладком месте, он поет немножко по-другому, уже более, как бы сказать, веселее. Так что, если в первом случае это была песня неторопливая, по-русски протяжная, то во втором случае почти что, можно сказать, плясовая:

— Попей! Попей! Попей!

И когда так поет, ты заглядываешь туда, в колодец, и — во-он улыбается — видишь себя на дне, далеко-далеко, точно бы это длинная просека. Если, принимая ведро, из рук прольешь, брызги, блеснув на лету, летят бесшумно и так долго, что можно успеть подморгнуть самому себе. И — глядишь — там подмаргивает в ответ. Как вдруг: плюх! Никогда не знаешь, когда там — на дне — плюхнется. И лицо разбивается. Вот принимаешь ведро. Даешь задний ход цепи и, поставив его на планку, сдунув самые крупные соринки, начинаешь пить. Пьешь, пьешь — до тех пор, пока ноги босые терпят. Какая студеная! Вот напился: уже чувствуешь и у ног, и в ногах вода. И, однако же, еще охота! Но уже ломит зубы. Но ты их зажимаешь губами и снова прикладываешься.

Сейчас мне хочется рассказать о том, как я лазил в колодец. Получилось, помню, так: собрались чистить колодец, — а чистят его, надо сказать, всегда летом, в воскресенье, когда Большая улица свободна, дома. Собрались чистить, а денег бабам, как всегда, жалко. «По пятку яиц соберем со двора, — говорят, — и хватит с тебя!» Петюне они так говорят, который всегда лазил у нас чистить. Но он, Петр Петрович Кузнецов, сказал им:

— Да вы что, бабы! Я так не полезу. Там же холодина — хуже, чем в погребе.

И на меня показывает:

— Вот он и то не полезет! Ты ползешь за так в колодец?

— Полезу, — сказал я. — Давай сапоги мне.

— Да идем...

И он повел меня к себе. Думая, вероятно, до-

рогой: «Сейчас я дам тебе сапоги! Такие найду сапоги, что ты у меня узнаешь!»

Но сапоги он мне все же дал. Вынул их из-под кровати и бросил среди избы:

— На, иди, чисти...

И вот — теперь уже 'обутый — я выхожу нашим проулком на колодец.

Волька с Витькой находились в кругу баб. И просились тоже чистить.

Увидев меня, они ко мне подскочили:

— Разувайся!

Но, так как я и не подумал этого сделать, они меня вдвоем свалили. И стали снимать с меня сапоги насильно. И один сапог им удалось все же снять. Как сейчас помню, левый. Да они, вдвоем-то, могли бы и оба, конечно, снять. Но спасибо маме: она подскочила и, как петухов, нас разняла.

— Что вы, — говорит, — делаете, жеребцы? Двое на одного!

И я, воспользовавшись такой минутой, без сапога побежал домой. И там успел я снять с печи фуфайку и, как была она горячая, одел ее на себя. И носки успел я достать из печурки. Теплые, шерстяные.

Как, слышу, бегут они проулком.

— Открывай, — кричат.

А и дверь-то была не заперта в сенях. Хотя, может, вертушок сам крутанулся, когда я пробежал...

Я выбежал к колодцу двором. И, гляжу, на лужайке валяется сапог. И только я поднял его с земли, чтобы обуться, как гляжу, уже вырывают. Сапог вырывают из рук. Но в это время шел уже Петюня. Как всегда, вразвалочку. И с каждым шагом его мне становилось тоскливо! Я, когда он подошел, и глядеть на него не могу: «Да что уж, думаю, говорил, иди чисти, а сам... Петюня, ты и есть Петюня!»

А Додон:

— Теть Маш, он плачет...

Я отвернулся от народа спиной. И стал снимать сапоги. И уже я снял их. Как слышу:

— Ищи, знаешь как, жилу... Мить, я тебе это говорю. Ты ее ищи...

Гляжу: батюшки, на меня надевают, напяливают шапку. И велят мне уже садиться верхом на полено. И вот уже я кричу:

— Н-но! Поехали-и!

И стали меня опускать. Мать, говорят, отвернулась, закрыв лицо руками. А я поехал, поехал. Вниз, в глубь колодца!

Вот уже слышу, как мне кричат:

— Митя, глянь на сруб! Можя, где заменять пора?

— Не. Пока нормально! — кричу на весу, а стоит мне чуть качнуться, я начинаю крутиться. — Пока нормально все, нормально!

— Митя-а? Это я, Витька.

— Какой?

— Витька Додонов.

— А-а! — Он, гляжу, маленький. Маленький-маленький! Как в перевернутый бинокль. — Привет нашим! — кричу ему. — Э-э! Т-там... потише! — Потому что я поехал с такой скоростью, что у меня аж сердце защемило. — К-кому калякаю!.. — Но вот нормально поехал. — Стоп! Здесь венец гнилой! — кричу. Венец, действительно, гляжу, гнилой. Рукой попробовал — он уже крошится. И грибы на нем растут.

А вверху галдят:

— Можя, пусть заменит? Нет, нет, спускаем, спускаем. Это следующий сделает.

И я снова, чувствую, поехал. И чем дальше еду, тем страннее. Все меньше делаются люди. Но слышно мне их хорошо. И вот что еще интересно. Я, когда доехал, то не мог сразу ступить, встать на дно. Мне казалось, его нет.

Я стал опускать ногу. Как в пропасть. Когда встал, мне казалось, что сейчас, сейчас провалюсь. Наконец понял: это дно. Земля. А когда веревку с поленом стали поднимать наверх, стало опять мне тоскливо. И страшновато даже, я скажу. Потом спустили веревку уже с лопатой. Я ее дернул аж с радости. А там — наверху:

— Чего?

— Ничего! Так я просто. Развязал лопату.

И снова дернул: тащите! Веревка поехала, а я стал дожидаться уже с лопатой. А потом ведро приехало. Ведро такое, как называют его Петюня, «земляк». Это земляк приехал сверху! И вот уже началась работа.

Когда освоился в колодце, первое, что я увидел, было ведро. Гляжу: ведро. Чье-то упущенное. И я его, вытащив из грязи, послал сразу наверх. А там:

— Спасибо, Мить! — кричат.

— Пожалуйста! — Потом еще одно ведро нашел. И еще раз заслужил спасибо. Кроме ведер в колодце — чего только не попадалось! И варежки. И калоши. И детали разные от трактора. И даже, представьте, ствол от ружья. А наверху уже знают, чья калоша или, скажем, варежка. «Это знаешь, — кричат, — чья? Это я уронила. Спасибо, Мить!» Но чей ствол, не признались.

И еще они не признались, когда ведро сорвалось. Только потом, лет десять спустя, мать сказала: а ведь это, знаешь, кто? Это, говорит, я. И — ой, сынок! — пока оно летело, я раз сто в обморок падала. А оно, ведро, правда, раз сто ударилось о сруб, пока летело. Когда оно летело, я аж врос в стенку, а зря. Тут, как правильно говорил дядя Петя, стой посередине и жди. Ведро, если оно летит прямо, то наверняка промахнется. А это, когда у матери сорвалось из рук, не так было. Оно — бах! бах! бах! — считало и... я его руками взял, как, скажем, птицу.

И еще я очень серьезную ошибку допустил. Варежки сбросил раньше времени. А их надо снимать с рук тогда только, когда уже поднимать станут. Иначе же — я потом и сам в этом не раз убеждался — руки не чувствуют, не испытывают радости, когда поднимают. Впрочем, тогда руки у меня не испытали радости еще и потому, что, когда меня поднимали, вожжи были мокрые. Аж склизкие. Потому что я, когда сидел на полено, намочил их в воде. А надо было их остановить, когда они были над головой, а я этот момент проворонил...

Ну, вот. Спасибо, Мить, кричат мне. Да кричат так весело, словно я не в колодце нахожусь, а на печи греюсь. Поищи, говорят, еще — еще найдешь. Вторую варежку. И они — вот народ! — тащат ведро так, что оно возносится, как птица, ввысь. А ты при этом прижимаешься к стене от мысли, что если ведро сорвется, то... Ведь в лепешку расшибет. Мокрое место от меня останется. А то баба какая-нибудь достает ведро рукой и так нагинается, что свет загородит наглухо. Э! Кто там опять, такая-сякая! Потому что мало того, что свет она загораживает, так она еще и прольет, зараза, тебе на голову.

— Ой, прости! Маленько пролила...

Вот народ какой! Ведь даже капля на голову камнем летит сверху, и как гиря она тяжелая. Вот народ! И я замучился с нашим народом до того, что просто слов нет, как вдруг слышу:

— Сынок! Сыночек!..

— Что?

— Ты... живой ли?

— Если ругаюсь, мам, значит, живой.

— А то вылезай уже, а?

— Не, мам. Я до жилы еще не дошел.

Но до нее я так и не дошел. Замерзать начал сильно. А фуфайка, чую, вся мокрая насквозь так, что без нее бы лучше даже. А про шапку

и говорить нечего. Я ее давно послал уже наверх. И ноги горят в воде: как холодно! Это кричат, значит, жила рядом, Мить! Но не смог я до ней дойти. Скомандовал подъем.

— Подни...

— Чего?

— Поднимайте!

— Почему?

А у меня язык не поворачивается объяснить. Там посовещались, поговорили и:

— Сейчас, Дмитрий Иванович...

Но как долго они собирались! Слов нет. А руки — до того заоченели, что, когда стали вытаскивать, только бы, думаю, выдержать. А пальцы — вот так сделал. На замок. И — ходуном хожу, как дрожь бьет! Еду. Вожжи мокрые, склизкие. И тут я забыл сказать, что когда вытаскивают наверх, это, братцы, самое трудное. «Брр... братцы!» — вот как дрожь бьет. Но дрожать нельзя, зубы надо твердо-твердо делать. И молчать. Даже если оса на нос сядет — молчите. Не обращайтесь на нее внимания. Но главное, как я сказал, зубы... И едешь, едешь. И уж, кажется, все. Открываешь глаза и... ых! Только еще сруб гнилой. Еще только половина пути...

Когда меня вытащили, то, во-первых, я глянул — солнце. Яркое-яркое. А трава зеленая-зеленая. Я хотел шагнуть и... упал. Как косою подкошенный, упал. На траву. А она, трава, теплая, пахучая-пахучая.

До жилы дошел Витька Додонов. Он, представьте, два раза копнул всего, и вода пошла. Забила.

Поезд

Однажды пошли мы на станцию глядеть поезд. Волька, Витька и я. Матерям, конечно, не сказали, потому что зачем канитель разводить с ними. Их выслушивать: не ходите, да устанете, да вы еще маленькие. Но разве мы маленькие? Вольке с Витькой по восьмому году пошло, а мне шестой. А день, помню, был теплый, солнечный. По времени же это было где-то так с месяц после полой воды, когда в пойме подсохнет и всю уже распускаются листочки. Идти в это время одно удовольствие. В воздухе, слушаешь, поют жаворонки, с озера доносится стон лягушек.

Вот вижу и саму дорогу: сразу, как выйдешь за село, за Метелевку, она бежит на подъем — кажется, не круто, однако же не пройдет и десяти каких-нибудь минут, как уже село наше просматривается все до единой избы, и хочется найти свою, и — вон она, под железной крышей, на самом краю леса. По левую руку — сыроварка и коровники, по правую руку — луговая пойма и в ней петляет Сура, Сурушка. Потом дорога побежала вниз. Внизу нас остановили три ключа. Головка, Катим и Большой родниковский. Головку может воробей перейти вброд. Но какая вода в нем холодная! Даже в дни, когда

нету от жары спасения, от головской воды ломит зубы. А чиста — как слеза. Дно видно, как через увеличительное стекло. Катим — немножко поглубже. Тут надо уже закатывать штанины. А третий ключ, Большой родниковский, и вовсе было перейти непросто. Он в глубоком овраге. И шумит, как сто чертей. А моста не было. Бревно лежало там одно. И, чтобы я переполз по нему на пузе, Вольке с Витькой пришлось пройти с закрытыми глазами. Но уж когда и я перебрался — вот было радости! Я повзрослел сразу лет на пять. Я даже забыл, что где-то тут совсем близко Прорва.

Вот послушайте, какая Сура в том месте. Когда-то давным-давно ее глубину замеряли вожжами. Первые вожжи ушли сразу. Надвязали к ним еще одни вожжи. Но гиря опять не дошла до дна. Несмотря на то, что тогда вожжи были длиннее, чем ныне. Но дна нет. Двенадцать ее раз замеряли! А вожжей ушло, конечно, не двенадцать, а может, целых все сто. Стали в тринадцатый раз замерять. Как вдруг поверхность воды заволновалась, закипела кипнем и — о-хо-хо — захохотало. И показалась голова, до того страшная, что половины людей не стало в ту же секунду. И надо ли говорить мне вам о том, что после того оставшие в живых каким-то чудом, храбрые из храбрых, взяли слово у детей и у внуков, и у правнуков — никогда больше не беспокоить водяного на Прорве. Страшное место Прорва! Сюда и птица не летит, и зверь не бежит. Прошло сто лет, двести ли, стали забывать уже погибших. А потому стали поговаривать, что никто ее, Прорву не мерил, пожалуй.

И вот, наконец, теперь наша очередь. Мы идем. Идем, идем да остановимся. Потому что... мурашки, чувствую, на спине. Ведь сказано же не зря: сюда и птица не летит, и зверь не бежит. Но все-таки идем. Вот остановились снова. Послушали. В кустах чирикают птички. Значит, это еще не Прорва? Но так как Сура, слышим, близко — полезли в кусты. Крапива стоит — уже с меня. Ежевичник. Колючий какой! И... вот где ежевики уродится! Непролазно. Но — пролезли. К Суре любыми путями, а пройдешь-пролезешь, бывало! А речь мы ведем такую.

— Это и есть Прорва?

— Идем на станцию, ну ее! — я говорю.

— Ой, Митьк, ты и трус, — говорят они мне. — Вот где ежевики будет! Ой, а смородник какой кустистый! Придем с ведрами сюда, да, Воль?

— Ага! — Волька откликается. — Обязательно, Витек!

— Воль.

— Чово?

— Черемухи сколько!

— Но?

— Усыпанная будет! А то — Прорва! Нет тут никакой головы водяного. Ерунда это все. Бабкины это сказки!

— А вот мыло, Мить.

Трава, то есть. Мыло — это у нас трава растет такая. Ею руки и лицо натрешь, бывало, и станешь умываться. А пены от нее — облака целые на воде!

— Э, — слышу, — сплав никак!

Глядим: правда. Сплав пошел. Мы обрадовались, потому что, когда сплав идет, мы на пристани, где рыбачили всегда, любили на бревнах кататься. Бывало, только этим и занимались по целым дням!

И, глядя на сплав, который пошел, пошел все сильнее, я представил уже себя плывущим на бревнах. И говорю:

— Давайте плот сладим да поплывем на станцию!

Что и в самом деле неплохо бы! Бывало, плывешь, и кукушечку слушаешь. Как вот она, легка на помине — закуковала! Первая! Но такая, надо сказать, недолго кукует. Раза два, три — и перестанет. А потому у нее и не стоит спрашивать: «Кукушка, кукушка, сколько мне годов еще жить?» Но я, помню, ей так обрадовался, что спросил именно про это.

Как вдруг:

— Хо-хо-хо! — захохотало на воде.

И, друзья мои, до станции, знаете, сколько у нас километров? Но я бы и до нее долетел с испугу! Если бы они не догнали меня на дороге, уже около Горовой горы. И Витька мне говорит, вытаращив глаза:

— Слышал? Теперь слышал водяного?

Но я ему ничего не ответил, потому что... Гляжу, он Вольке подмигивает.

— Это ты, — говорю, — не водяной, а ты, Додон!

Хотя про себя все еще сомневаюсь: захохотало, как водяной! Кроме того, гляжу, у Вольки губы трясутся тоже и волосы на голове стоят дыбом. Он, хлопая глазами, говорит:

— Это водяной был, пожалуй!

— Да может, и водяной, — Витька отвечает. — Хо-хо-хо!

— Хо-хо-хо. — На Прорве опять.

— Хо-хо-хо! — Витька опять.

И там: хо-хо-хо. На Прорве.

Уже мы, гляжу я, на горе стоим. А на Прорве еще: хо-хо-хо. Но мы уже на Горовой стоим. На высоте.

После Горовой до станции нам подать рукой. И мы пошли. Потому что возвращаться домой — страшнее. Мимо Прорвы! Куда лучше вперед, на станцию идти. Благо мы на ходу освоились, перестали бояться водяного. И скажу почему. С Горовой горы нам стало слышно поезд. Он стал казаться совсем близко, хотя, впрочем, поезду нельзя доверяться. С поездом ведь как бывает? Его в полу воду, например, тоже слышно хорошо. Так, что кажется, он бежит-гудит на задах, и ты побежишь на зады, думая, что там поезд, но находишь обман один, а не поезд. Вот и после Горовой так же было: лес кончился, пошли давно озимые, а поезда нет, все еще его не видно. Но это хорошо, надо сказать: мы, благодаря тому, что поезд было слышно, бежали теперь торопко, с одной мыслью в голове: «Вот сейчас еще пробежим до того места, где лесок кончается, и будет обязательно поезд!»

Да, именно благодаря этому мы одолели пятнадцать километров!

Но, помню, они, километры, нам достались тяжело. Особенно мне. Я стал так уставать, что начал садиться — прямо на дорогу. Волька с Витькой начинали грозить мне, что отлупят, — на меня ничего уже не действовало. Я стал садиться все чаще и чаще. А поднимался, когда брат мне скажет:

— Иди, понесу.

Ехать на Вольке хорошо. Правда, когда я долго не слезаю, брат жалуется, что тяжело. Но зато потом, когда я слезу, нам делается сразу обоим легко.

Но какой у меня славный брат! Он, мой Воля, все рассчитал наперед. Он, когда стало мне невмочь идти, достал из кармана хлеб. И разломил, помню, кусок свой пополам, несмотря на то, что я свой съел давно, когда мы были еще на Головке. А чтобы нам было сладко, мы заедали хлеб борщевиком, который рвали, идя обочь дороги. Брат даже стебли мне очищал, а я уже только их хрумкал.

Поезд появился неожиданно.

— Вон, вон он!

Я поглядел туда, куда глядели Волька, и... Поезд! Он вынырнул из леса и стал расти, расти.

— У-гу-гу-у-у-у-у...у!

Вот как он забасил громко. Я индо подпрыгнул, потому что это ведь совсем не то, как бывало на задах. А лучше, громче! И мы побежали бегом, чтобы опередить его. Но он прибежал на станцию вперед нас. Поезд. На то он и поезд.

Мы прибежали, а он, глядим, стоит. Огромный, вспотевший. И вздыхает еще: «Ух, как я бежал! Индо весь вспотел!» Именно так он вздыхал, этот великанище. И он покосился в нашу сторону. И сразу он понял, что мы ильминские, деревенские. Потом, посопев еще немножко, он — чух! чух! — пошел. Пошел, пошел...

ТРАКТОРИСТКА ОЛЯ

РАССКАЗ О ДЕЛЕГАТЕ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ

Ехала Оля Ошкина на тракторе и песню пела. Лето. Во дворах черная смородина спеет. У Оли — трактор новый, МТЗ-80, легко заводится. Почему же не петь?

По проселочной дороге то и дело грузовые автомобили ездят. В ту и другую стороны. Много работы у грузовиков в селе. Люди с рассвета до позднего вечера трудятся. Кто погудит Оле, кто кепкой махнет, кто просто улыбнется. Свой брат, водитель!

А вот зеленый грузовик проехал, доски в кузове. Усатый шофер недовольно посмотрел на Олю — ни кепкой не махнул, не погудел. Незнакомый шофер. Из другого села. Чуть проехал вперед и остановился. Вышел из машины, встал, преградив дорогу Олиному трактору.

Оля песню петь перестала, из кабины выпрыгнула. Мало ли что? Может, барахлит зеленый грузовик? Чего не бывает в дороге? Это неписанный закон шоферского братства — товарищу на помощь прийти. Свой брат, водитель.

Подошла Оля к водителю, а он сердито на нее смотрит и молчит. Улыбнулась Оля Ошкина:

— Что, дяденька, неполадки какие? Давайте, помогу...

— Я тебе покажу неполадки! — грянул голос сердитого водителя. — Небось, угнала трактор у отца и едешь по дороге, развлекаешься. Я сейчас вот вместо папки уши тебе надеру!

Оля растерялась. Она уже работала на посевной, и не одного водителя вытащила из грязи во время распутицы. У нее уже рабочий стаж целый год, и вдруг!..

— Вы, дяденька, спутали меня с кем-то... — серьезно сказала Оля. — Меня на овощехранилище ждут, а вы меня задерживаете. Я думала, у вас неполадки какие...

И обратно к кабине направилась. Но водитель не унимался:

— Лучше вернись. Или я сам тебя к отцу отведу.

Хорошо, в это время показался на дороге трактор полетнинского механизатора Володи Юдина, с ним Оля работала на посевной.

— Что случилось? — выглянул из кабины Юдин. — Кто обижает нашу Олю? Первую девушку в Полетном. А у вас, небось, девушек-трактористок нет? Сам-то откуда?

Но сердитый водитель рукой махнул. Сел в машину да так рванул, что только облако пыли на дороге осталось.

Оля с Юдиным посмеялись и дальше поехали.

Несолидная она. Тоненькая, ростом небольшая. Никак не подумаешь, что девятнадцать. Потому, когда приняли на работу в совхоз, механизаторы со стажем удивились:

— Разве это тракторист? Она же гайки не открутит!

Оля молчала. Молча ремонтировала старый-престарый трактор, который с осени стоял в углу двора. Верили в нее только пятеро ребят — одноклассники. После выпускных экзаменов они тоже подали заявления с просьбой принять на работу в совхоз. Они знали — Оля упорная и настойчивая. А если ржавая гайка не откручивалась или нужно было прикатить колесо, на помощь приходили одноклассники.

В один прекрасный день трактор старчески крякнул, ожил и поехал со двора, по дороге, в поле.

— Надо же... — развели руками механизаторы со стажем. — Кто бы мог подумать...

А когда на вывозке силоса Оля Ошкина сделала по восемь-десять рейсов в день, а они по пять-шесть, уж и вовсе замолчали.

...Однажды летом приехала Оля на обед в свой дом за озером. Поставила суп на плиту, пошла кур кормить — стучат в калитку. Выглянула, а у двора два трактора стоят. Один ее — старый, а другой новый, ярко-синий МТЗ-80.

— Чего смотришь, — говорят механизаторы. — Из Петровичей пригнали. Тебе. Совхоз решил новый дать, хватит со старым мучиться.

И защемило что-то. Жалко стало «старичка». Стоял он рядом с новым. Неказистый. Царапины, как морщины. А каждый винтик знаком. И теперь так запросто отказаться, на «пенсию отправить». Не по-товарищески.

Тут вышел сосед, дядя Павел Русских. Тоже тракторист.

— Что задумалась? Бери! Старый в хорошие руки попадет. Дяде Лене Королеву.

Тогда Оля согласилась взять новый трактор, потому что Королев — хороший человек.

Скоро все в совхозе привыкли, что Оля Ошкина — настоящая трактористка. Безотказная. Опилки ли возить, горбыль, дрова или удобрение — Оля всегда готова. Днем и ночью. Надо — значит надо. Так в комсомоле учили.

Встретил ее как-то вечером председатель рабочкома Антонов Трифон Иванович:

— Ты же, Ольга, у нас трактористкой работаешь! Отчего ж вся в опилках?

— Разгружать помогала, чтоб быстрее.

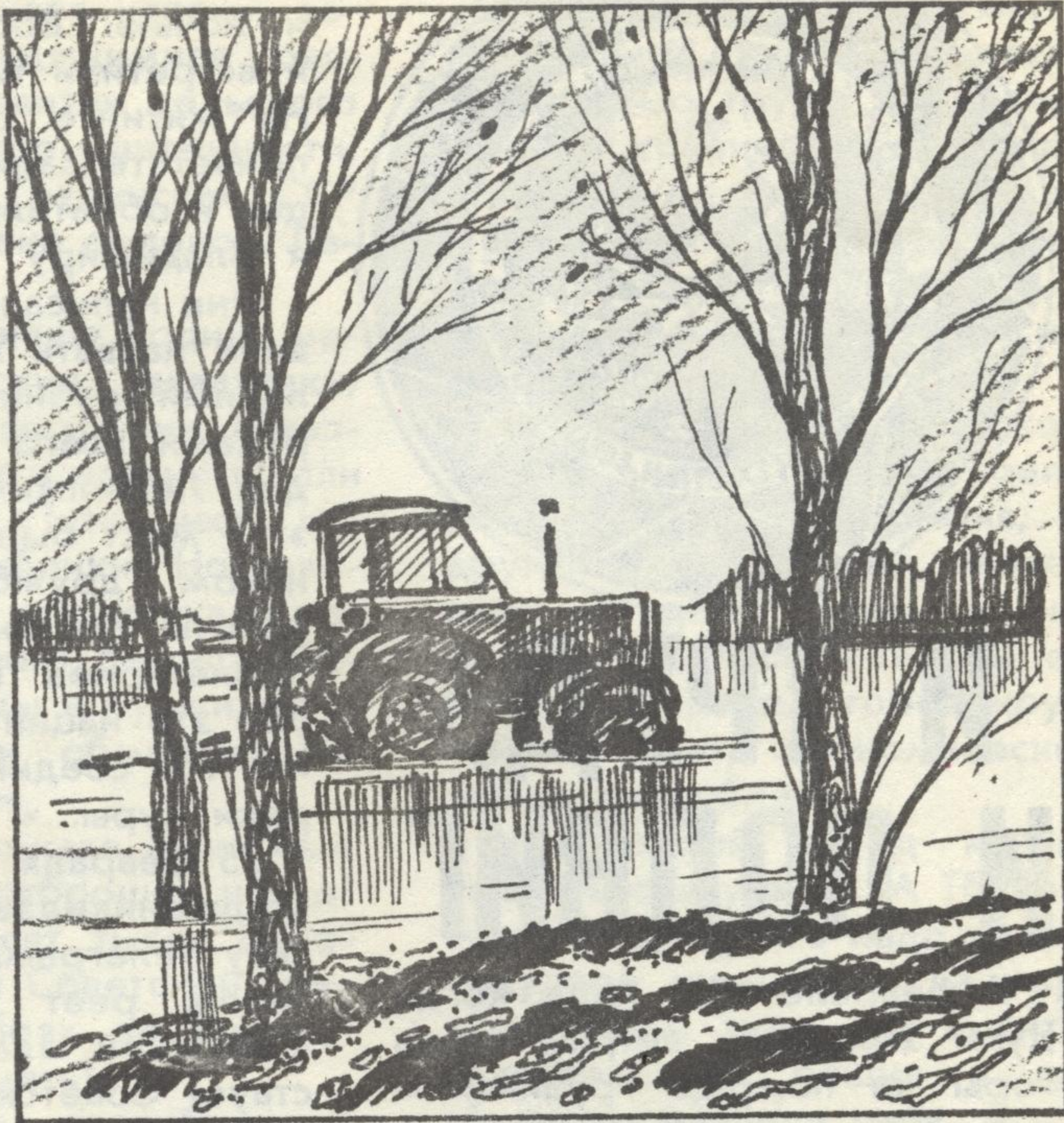
— Оля и есть Оля, — сказал Трифон Иванович парторгу. — Редкий человек. До всего ей дело.

За хорошую работу Олю Ошкину наградили комсомольской путевкой — путешествие по Черному морю. Как обрадовалась она этой путевке! Потому что давно мечтала увидеть море. Только прежде поездки пришлось увидеть «море» у своего села.

Ранним июльским утром сквозь сон услышала стук в окно:

— Оля! Вставай, тетя Люба тонет!

...В детстве ей всегда хотелось совершить подвиг. В день, когда приняли в пионеры, бежала по деревне — пальто нараспашку, чтоб красный галстук было видно, и думала: «Вот если б тонул кто или изба горела, я бы спасла...»

Стук в окно повторился, звала соседка тетя Катя Огнева:

— Скорее заводи трактор. Наводнение!

За околицей было море. Ни речки Кии, ни озера, только безбрежное море вокруг.

Во дворе у тети Любы плавали дрова и кленка в цветочках. А вода все поднималась. Некоторые дома уж по окна затоплены. Погрузила Оля соседские пожитки на трактор да и вывезла на бугорок. Закружили вертолеты над селом, пришли на помощь караваны лодок. Спасали людей, скот, имущество. Остались в Полетном несколько небольших островков. На одном стоял ее новенький трактор по самые колеса в воде. Оля стояла рядом и плакала. Только мать увидела, как она плачет.

— Чего ревешь?

— Новый! Только недавно выдали. Вдруг утонет?

Все дни большой воды она возила на стан доярок. Ее подружка, комсомольский секретарь села Полетного, удивлялась:

— Я бы так ни за что не смогла! По большой воде доярок туда и обратно... А если с дороги собьешься? И в канаву?

Для нее это была просто работа. Подвиг — другое. Подвиг — это как Александр Матросов или Зоя Космодемьянская.

Теперь уж не может произойти с Олей Ошкиной такого смешного и нелепого случая, как тогда на дороге с сердитым водителем. Теперь ее знают во всех соседних селах. Портрет механизатора Оли Ошкиной висит на Доске почета. И в газете про нее писали — на посевной возглавила комсомольско-молодежное звено. Оля Ошкина — делегат XIX съезда ВЛКСМ.

Т. ЧИНАРЕВА

СЕЛО ПОЛЕТНОЕ
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

И ТРУД, И ПОДВИГ

В феврале 1921 года, когда дули холодные ветры, через горы на помощь грузинским рабочим и крестьянам шла Красная Армия. Из Азербайджана двигались полки Серго Орджоникидзе и Михаила Левандовского. Из Владикавказа вел бойцов отдельной бригады Сергей Миронович Киров. Прослышав об этом, убежали из Тбилиси иностранные интервенты и грузинские меньшевики. Убежали и взорвали мост через реку Куру.

Чтобы восстановить его к приходу Красной Армии, на берег реки пришли грузинские рабочие, съехались крестьяне

из ближних сел. Работали днем и ночью. Восстановили мост и встретили Красную Армию. На митинге строители моста приветствовали красноармейцев и обратились с посланием к Владимиру Ильичу Ленину.

Они написали: «Мы постановили назвать мост, восстановленный грузинскими рабочими руками всего лишь в четыре дня, Лениным мостом, чтобы этот мост был первым памятником дружбы, совместной работы грузинских и русских пролетариев и соединил бы обе эти нации так же крепко, как мы соединили оба берега реки Куры...»

25 февраля 1921 года Серго Орджоникидзе послал в Москву телеграмму: «...над Тифлисом реет Красное Знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»

Стали грузины строить новую жизнь.

Сегодня в Грузии более четырех тысяч школ. Около ста тысяч учителей. Спросите любого ученика, знает ли он о Якобе Семеновиче Гогешвили? И обязательно услышите утвердительный ответ.

В 1864 году в Тифлиское духовное училище пришел учитель. Вроде бы ничего удивительного, а все удивляются. Не похож учитель на своих коллег. С учениками разговаривает как с равными. Пригла-

шает в гости. Обсуждает с ними прочитанные книги. Выпускает ученический журнал...

Ополчились на новичка все учителя духовного училища. Пожаловались наместнику царя на Кавказе и в святейший синод. Захлопнулись перед учителем школьные двери. Якоб Гогешвили оказался без работы.

Но быть учителем — это не обязательно приходиться в класс и ставить отметки детям дворян либо богатых горожан. Якоб Гогешвили хотел, чтобы учились все грузинские дети. Создал учитель Общество по распространению грамотности. Открыл народные школы. Написал для них учебники. Сначала «Грузинскую азбуку», потом хрестоматию «Родная речь», и книгу «Ключ к природе».

Грузия — многонациональная республика. В ее состав входят Абхазская и Аджарская автономные республики и Юго-Осетинская автономная область. На многих языках учатся в Грузии дети: на грузинском, русском, абхазском, осетинском, азербайджанском, армянском, курдском, и все знают своего первого учителя Якоба Гогешвили.

Богата грузинская земля талантливыми людьми, богата она и в прямом смысле этого слова. Старики в грузинских

селах говорят: «Если в нашу землю воткнуть палку — из нее вырастет дерево».

И еще какое дерево! Растут в Грузии лимоны, мандарины, грецкий орех, груша, пальма, банан, бамбук, лавр, эвкалипт, олива, магнолия... 400 сортов винограда знает грузинская земля!

Богата грузинская земля! Здесь добывают уголь и редкие металлы. Самая небольшая добавка этих металлов делает сталь во много раз прочнее. Без этих металлов сегодня не может развиваться химическая и электронная промышленность.

В братском союзе с другими республиками страны развивала Грузия свою экономику.

В самые первые годы Советской власти народы республики сразу приступили к строительству двадцати новых заводов, фабрик.

Грузины — трудолюбивый народ. За годы первых предвоенных пятилеток тридцать новых отраслей экономики создано было в республике. Грузия плавала сталь, создавала совершенные по тому времени станки и машины, добывала нефть и выращивала лучший в стране чай. Были построены электростанции и новые железные дороги. В глухие аулы пробиты шоссе.

За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися республики в развитии сельского хозяйства и промышленности, в 1935 году Грузинская ССР была награждена орденом Ленина!

А когда на нашу Родину напали фашистские захватчики, около 700 тысяч грузин, абхазцев, аджарцев и осетин встали на ее защиту. Пятая часть населения республики! Но заводы и фабрики продолжали работать! На фронт бесперебойно шли снаряды и пушки, продовольствие и обмундирование для армии.

Здесь на Кавказе, враг был остановлен и отброшен назад! Триста пятьдесят тысяч сыновей и дочерей Советской Грузии пали в боях за Родину. Вечная им память!

После войны республика с новыми силами взялась за мирное строительство. Уже к 1970 году объем промышленного производства в 85 раз превысил дореволюционный уровень!

За успехи в труде и коммунистическом строительстве на знамени республики сияют теперь два ордена Ленина, орден Октябрьской революции и орден Дружбы народов!

Всем богата грузинская земля!

И нежностью к детям, и любовью к народной песне, и радостью труда, и прославленным грузинским гостеприимством. А гостей приезжает в Грузию много. И все обязательно стараются побывать в древнем и молодом Тбилиси — столице Грузии.

На уступах Сололакского хребта видны остатки крепости Нарикала, а напротив, на другом берегу Куры, Метехская цитадель. Здесь и был основан Тбилиси — теперь огромный, красивый город, крупнейший центр экономической жизни республики.

Не каждый город можно увидеть сразу весь. А Тбилиси можно. Для этого надо на фуникулере подняться на гору Мтацминда, туда, где высится телевизионная башня и где тбилисцы разбили парк.

А внизу уживаются рядом улицы старого и молодого Тбилиси, — города, где делают станки и вагоны, учатся в школах и институтах, собирают машины для сельского хозяйства, изготавливают детали домов, обувь, мебель и музыкальные инструменты...

Трудится советский Тбилиси! Трудится Советская Социалистическая Республика Грузия!

Л. ГАВРИЛОВ,
В. СУСЛОВ

Рисунки Н. Котляровского

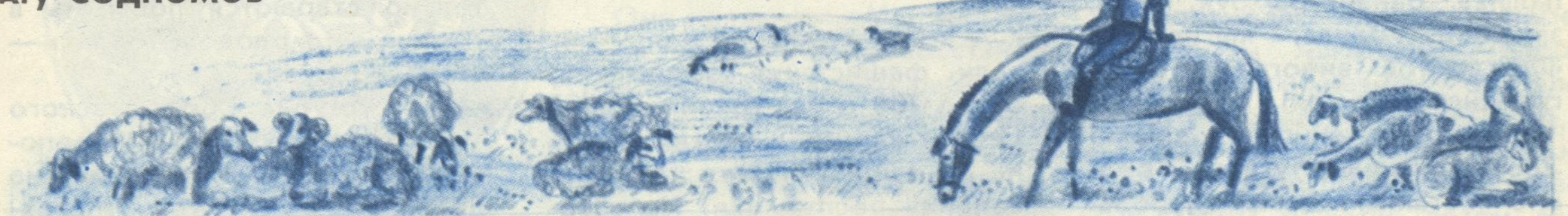

ПОРА ОЖИДАНИЙ

Рисунки Л. Нарышевой

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Агу СОДНОМОВ

Я пас отару.

Работы хватало, но у меня все валилось из рук. Да я и сам не понимал, что происходит со мной, только смутно хотелось мне чего-то иного... Но чего? Целыми днями я неторопливо кружил на своем Соловом возле отары, да тарашил глаза на приземистые белые холмы, над которыми плыли клочковатые облака. Сопки эти не простые — священные. Так говорил Эрдэм-бабай.

А еще Эрдэм-бабай говорил, что за сопками находятся караульные посты и в трудный час для народа баторы¹ спускаются с неба.

Я крепче прижался к коню — чудилось мне: то не облака, а воины Гэсэра мчатся на черные полчища врагов. Карающий меч Гэсэра достигнет их, и я сложу песню об этом, и об отце, и об Эрдэм-бабае... Блестят серебряные доспехи на небесных всадниках, яростно выхватывающих из ножен острые мечи. И льются из моей груди грозные, величавые мелодии из улигера-сказанья:

*Он хватчиков наказывал,
Он высокомерных укрощал,
Он клыкастых усмирлял,
Он хищников истреблял —
Великий Абай Гэсэр,
Могучий Абай Гэсэр.*

Как жаль, что нет со мной морин-хура² и Эрдэм-бабая. Будто наяву я видел его улыбающееся морщинистое лицо, на котором лучились узкие щелки глаз. Белая борода треплется по ветру, а он стоит, опершись на палку, вслушиваясь во что-то. И было в нем что-то такое, отчего я, как замороженный, смотрел на него.

Таким я впервые встретил его на цветущем лугу. Было время цветения ургуя, когда вся степь пестрела синими ургуйками — подснежниками. Почти всю весну я прожил на чабанской стоянке, дожидаясь приезда родителей. Я бродил, собирая скромные степные цветы, такие милые, родные, очень похожие на неясные думы. И где-то в тайных уголках моей души зарождались звуки песен, очень похожие и на тихую грусть, и на дыхание ароматных трав, и на дорогой образ мамы. И лишь только потом, у Эрдэм-бабая, они окрепли, зазвенели и полились в чудной чарующей песне.

С того памятного дня, увидев старого сказителя, я твердо решил, что, когда вырасту, буду

петь! Буду, как Эрдэм-бабай. Слышите меня, степь, люди-и-и?..

— Сайн байна, Эрдэм-бабай!

— Сайн, сайн! Здравствуй! Это ты, Сультим?

— Я...

— О, да тебя не узнать, совсем мужчина, — качает головой довольный дед.

Я в гостях у старого сказителя. Эрдэм-бабай улыбается. Щурятся красные слезящиеся глаза на дряблом, изборожденном морщинами лице. Я замечаю, что они смотрят мимо меня на окошко, в степь.

О чем он думает?

В дверях появляется бабушка Донирма. Поставив на стол белые кружки молока, она подходит ко мне.

— Та-тай! Вымахал, как жердь. Что, опять встретились старый и малый? Проголодались, а? Подсаживайся к столу, Сультим.

Но мы с дедом, не дожидаясь приглашения, уже сидели за низеньким столиком и, расшались как маленькие, стучали ложками о миски. Дедушка лукаво подмигивал и дробно перестукивал деревянной ложкой. Я не отставал и, войдя в азарт, так барабанил по столу, что чашки-миски чуть не попадали вниз.

— Молодая-красивая, чего мы ждем? Прилетела ненасытная птица Ёло, — смеялся дед.

После завтрака мы долго еще сидели у очага, глядя на огонь. Бабка одобрительно качает головой, когда рассказываю о чабанских буднях.

— Хорошее дело, труд проверяет человека. Работай, хубун¹!

Дед тоже покачивает головой.

— Постой, Сультим, а как же школа? Ты давай учишься!

— Опять завелся: учеба-учеба! Не век же ему сидеть над книгами, пусть узнает, что такое труд, — набрасывается на него бабушка Донирма.

Эрдэм-бабай замолкает и молча сосет порыжелую трубку.

— Все же, сынок, не бросай книгу-то.

— Хорошо, бабай.

Дедушка, закашлявшись, долго ловит ртом воздух и мотает головой.

— Смотрю я на тебя, хубун, и словно вижу себя в молодости. Вот такой же черноглазый,

¹ Хубун — мальчик.

¹ Баторы — богатыри.

² Морин-хур — национальный музыкальный инструмент.

лохматый был, когда отец познакомил меня с Шойсороном...

— Расскажите, бабай.

— В ту пору мы жили у подножий священных сопок Мунготы, пасли отары и табуны зайсана Вандана, первого богача здешних мест. А уж его скота, богатства — не счесть. Никто не прекословил ему, захочет — выгонит в голую степь. Куда уйдешь-то? Пропадешь.

— Бабай, вы бы о Шойсороне...

— Слушай, хубун. Шойсорон — табунщик — пошел наперекор зайсану. Но один человек — не сила. С тех пор он скитался в степях, стал бродячим певцом. Ходил по улусам, играл на морин-хуре, тем и кормился. И поныне живет в народе его песня:

*Аргамак не устанет,
Народ мой вздохнет,
Настанет день, и земля
Вздохнет и пробудится,
И счастье вернется...*

Одну зиму он прожил в нашей юрте и передал мне свой морин-хур. Весной он умер, простудился в дороге. Скоро и меня не станет, и я хочу, чтобы этот морин-хур был твоим. Продолжай мои песни, Сультим.

— Да, бабай.

— Помни одно, сынок: ты со словом не шути. Слово, что аркан, может сдернуть с седла, а может и посадить на коня. Табунщиков и чабанов в нашей степи хватает, не то, что певцов. А мы тебя обязательно пошлем учиться в большой город. Талант у тебя.

Бабушка Донирма качает головой.

— Хорошо бы, а как же вот... Русского языка ты, хубун, не знаешь, а? Мало кто из нашей степи уезжал так далеко. Как ты там будешь жить? Оё-ох, — вздыхает бабушка.

Эрдэм-бабай одобрительно подмигивает мне: мол, не горюй, Это дело наживное.

А во мне словно что-то проснулось.

— Все равно поеду, выучу русский. Я и так немного знаю, могу даже разговаривать. Вот отец приедет летом из города, отвезет меня туда. Дождусь его и поеду.

Дед молчит, потом глухо говорит:

— Все ожидания обязательно сбываются, особенно большие. У тебя, Сультим, сейчас пора больших ожиданий, ведь ты стоишь на пороге жизни.

Стены дома затряслись от порыва ветра, сухой кизяк почти не дымил. Все в доме качалось,

жалобно стонало, словно что-то большое, огромное пыталось смести избушку со своего пути.

При красноватом свете огня в печке я с дедом сидел на полу с морин-хуром в руках:

К выпускному вечеру мы готовились долго. Все ходили какие-то взбудораженные, принарядившиеся. Особенно девчонки. Школьный спортзал был переоборудован в актовый. И было ощущение чего-то необычного.

Вечер запомнился мне на всю жизнь.

Открыли мы его с Эрдэм-бабаем. Хоть и готовились мы к нему, но я все же волновался. Выступать перед всеми, да притом в такой день...

И вот наконец все приготовления позади, и наступила тишина. Волнуясь, я усаживаюсь на мягкий стул и прикасаюсь смычком к конским волосам. Как трудно начинать! Руки, кажется, слабеют. Эрдэм-бабай говорит мне что-то подбадривающее.

— Я спою вам песню о родной земле на слова народного поэта Бурятии Дамбы Жалсараева, нашего земляка.

*Таежная, озерная, степная,
Цветущая от края и до края,
Ты добрым светом солнечным полна,
Брусничный дух, черемухи дыханье,
Лилового багульника настой...
Я не дышу, а пью благоуханье
Моей земли — равнинной и лесной.
Как пиалу, руками степь беру я
И долгий, долгий делаю глоток —
Прими, земля, сыновнее спасибо!
Крутой водой аршана¹ угости.
Чтоб я обрел невиданную силу
Для дальнего нелегкого пути...*

И кажется мне, что лечу я над степью, до Белой Удинской горы. И не степь уже это — держава ранних жаворонков. Скачут на белых конях воины Гэсэра...

Голос мой обрывается.

— Играй, хубун...

Хлопали мне долго, неистово.

А я, спрятавшись за спину Эрдэм-бабая, весь пунцовый, тяжело дышал. Как в голубом тумане слышны голоса, что-то поют ребята, кто-то хлопывает меня по плечу.

Очнулся я от зова деда.

— Сультим! Теперь я могу спокойно умереть, мой морин-хур в надежных руках. Когда-нибудь, хубун, сочинишь свою первую песню, не забудь о нас, о своей степи. Учись всегда у народа.

Скупые слова Эрдэм-бабая падают в самую мою душу. Я буду помнить их всю жизнь.

Выпускной вечер... Прощай, школа!

Отец приехал ночью, когда мы его не ждали. Под утро кто-то постучал в дверь. Эрдэм-бабай, ворча и охая, пошел открывать дверь. Я торопливо зажег свет. «Кого это по ночам носит?»

— Сайн байна! — слышалось с порога.

Отец! Это был он.

— Па-ап! — с радостным визгом мой брат Бимбушка повис на шее отца. А он, в кожаной куртке и в белой кепке, молча стоял и улыбался.

Потом мы пили чай. Мы с Бимбушкой никак не могли оторвать глаз от него. Бимбушка, поерзав на стуле, полез почему-то под стол.

Утром пришла к нам моя учительница Нинель Константиновна.

Она подошла ко мне, взъерошила волосы:

— Сультим! Поедешь со мной в город, учишься там будешь. Отец разрешил.

— На певца! — подпрыгнул я.

— Из тебя, я думаю, выйдет хороший музыкант. Эрдэм-бабай не ошибся в тебе.

— Учись, сынок, — потрепал меня отец по плечу. — Я договорился кое с кем в городе. Там тебя встретят. А я приеду попозже.

Хмурился Бимбушка, покачивала головой бабушка Донирма, а я все еще стоял на месте, не веря своему счастью.

Эрдэм-бабай, обняв меня, подтолкнул к выходу.

— Иди, хубун, попрощайся с друзьями.

На скотном дворе я застал председателя колхоза Ринчина Бадмаевича.

— Сультим! Поехали на Добо-Шулутский гурт, — председатель, покуривая, улыбается мне.

— Ох, как хочется поехать, Ринчин Бадмаевич. Только не могу я... Уезжаю.

Я рассказываю ему о приезде отца.

И еще долго мы сидели, разговаривали и просто молчали. Расставаться всегда трудно.

Возвращаясь домой, я встретился около магазина с Эрдэм-бабаем. Прислонившись к забору, он сидел на бревне, тяжело дыша.

— Совсем ноги не держат! О-ё-ох! Зашел в магазин, купить чего-нибудь тебе на дорогу, да вот сердце что-то...

Жалко деда. Лучше бы ему сидеть на заваulinке, греться на солнышке, около дома, а он знай ходит по всему улусу целыми днями. Не сидится ему.

Так, часто отдыхая, мы добрались до дому. Во дворе дед вдруг охнул и повалился на траву.

— Ничего, ничего, это пройдет, — слабым голосом проговорил он, — ты не плачь, Сультим. Мне, старику, терять нечего. А тебе еще жить да жить. Хороший ты мой! Будешь учиться там, в большом городе, но не забывай свою землю. Трудно, конечно, тебе будет. Но живи с пользой для других. А добрые дела не забываются. Будь счастлив, Сультим! Сынок!

Погасли звезды. Незаметно растаяла короткая степная ночь. Белый туман медленно плывет над рекой. Через несколько минут над долиной взошло солнце. Навстречу ему летела машина неясным силуэтом, пропадая в утренней степи. Под утро прошел мелкий дождь, и вся степь сияла под лучами солнца. Здравствуй, новый день...

Я еще вернусь к тебе, моя степь!

О чем ты поешь, золотой солнечный дождик?

¹ Аршан — минеральный источник.

ПУТЬ В КОЛУ

ПОВЕСТЬ

Петр ГУБАНОВ

Рисунки Б. Аникина

Город Кола был важным морским портом на севере России в смутную пору начала семнадцатого столетия. Просторная Кольская бухта оставалась чистой ото льда всю долгую зиму. И круглый год приходили в Колу английские, голландские и датские парусники, поставляя русскому государству оружие, порох, сукна и шелк. Обрато купцы отправлялись, груженные мехами, моржовым клыком, красной рыбой и пенькой.

Пользуясь тем, что Лжедмитрий II, опираясь на русские тушинские отряды и иноземных на-

емников, осадил царя Василия Шуйского в Москве, шведский король Карл IX решил захватить Колу и закрыть выход России в Северный Ледовитый океан.

Шведские воинские отряды, несмотря на перемирие и союзный договор о взаимопомощи между Швецией и Россией, нападали на пограничные русские поселения, карельские деревни и лапландские становища. Они грабили монастыри, жгли соляные варницы и рыболовные суда, убивали мирных людей или уводили их в плен.

1

Казенную бумагу с пятью сургучными печатями, в которой были поименованы убытки, причиненные казне и поморским людям свейскими воинами, повез из Колы в охваченную смутой Москву стрелецкий пятидесятник, человек бывалый, Спирка Авдонин.

Отправляя в дальний путь служивого, подьячий Иван Махонин строго-настрого наказывал доставить казенный пакет в государев Посольский приказ по зимнему санному пути, пока не вскрыются реки.

На подьячем длинная соболья шуба со стоячим воротником, на голове у него высокая шапка из куньего меха. Махонин то и дело шмыгал простуженным носом, чихал в рукав шубы, покашливал.

И вот уже скрылся почтовый возок в февральской заснеженной суготе. Умолкли звуки колокольчика под расписной дугой.

«Ох, далеко Москва! Более двух тыщ верст до нее, — завздыхал подьячий, шагая от осторожных ворот мимо лавок-амбаров, выстроившихся на берегу реки в виде буквы «Е» и называемых Гостиным двором. — А сколько на пути к стольному граду ямских изб, глухих болот под глубоким снегом, привольных рек, спящих подо льдом!»

В розово-сумеречном свете короткого зимнего дня смутно угадывались остроконечные башни острога да высокие колокольни соборной церкви Благовещения в отдалении и Никольской часовни, стоявшей на пригорке. Четыре параллельные улицы спускались из глубины посада к реке, где стоял на дымящейся паром черной воде заиндевелый с обледенелыми бортами трехмачтовый английский фрегат.

У самого берега, прижавшись к деревянным причалам, выстроились в прерывистый ряд кочи.

Воеводский двор, состоявший из трех высоких строений, красовался в центре острога. Узкие окна, затянутые прозрачной слюдой, выходили на соборную площадь. Рядом — приказная изба, таможня и подьяческая канцелярия.

Двое писцов с раннего утра уже находились в присутственном месте. Один чинил перья, другой — постарше годами — писал что-то, осторожно выводя на бумаге буквы. При виде подьячего, вошедшего в избу, оба встали и, отвесив низкий поклон, торопливо проговорили:

— Доброго здоровьица, Иван Парфентьевич!

— Здорово и вам тоже! — пробурчал в ответ Махонин и сбросил с плеча шубу.

Со всех сторон везут в Колу олени шкуры, соболей, горностаев, красную рыбу, мамонтов зуб. Дабы не оскудела казна, всему ведется здесь строгий счет. Не зря же писцам и подьячему платит жалование воевода.

Много всякого пушного товару увозят иноземцы на своих судах в заморские страны. А еще больше отправляет Махонин в Москву по санному пути. И за податными и за таможенниками приходится присматривать Ивану Парфентьевичу Махонину. Допустил недогляд — и уже нету

порядка в торговом деле: пропадают невесть где заморские сукна, серебряная посуда да разные приправы к еде боярской, что из теплых краев, называемых Страной Пряностей, в Русь доставляют.

Многие заботы не оставляют ни днем, ни ночью подьячего. Но больше всего Ивана Парфентьевича тревожит мысль: куда подевался податный Савва Лажиев, прозываемый Корелянином? Еще до введения отправил его подьячий в Лопскую землю за данью. И вот уже сретенье позади, а сборщиков податей с двадцатью оленями, впряженными в грузовые нарты, все нет. Куда подевался Савва с осторожными людишками? Может, замерзли в пути? Морозы-то вон они какие! Будто пушки палят, когда бревна в срубах лопаются! А если замело их снегом вместе с оленями и всей мягкой рухлядью, когда назад, в Колу возвращались? И такое случалось...

Пока не вернется Савва Корелянин да не придут сборщики государевых податей из далекой Югры, отправлять пушной обоз на Москву — несподручно. Из того, что лежит в лабазах, много мягкой рухляди погрузить надобно на аглицкий фрегат, что уже с самой осени в Коле пребывает. Уж и восвоеси пора бы ему убраться отсюда. Ан нет, не уходит! Все что-то прикидывает да высматривает капитан судна сэр Виллоби. Не скажешь, чтобы скандалист был либо по пьяному делу горазд. Уважаемый господин! Зато матросы с аглицкого фрегата озорничать стали: посадских девок да вдов обижают!

Невеселые мысли подьячего не нарушали ни скрип перьев занятых своим делом писцов, ни треск горящих поленьев в печи.

— Сколько значит на сей день пушнины в лабазах? — неожиданно поднял голову Махонин.

— Песцов — две тысячи шестьсот двадцать семь, соболей — одна тыща триста восемь, горностаев — пятьсот одиннадцать, — ответил писец.

— Маловато, — протяжно вздохнул подьячий. — Совсем худо...

— Сукон и прочих товаров сколько, — изволите выслушать? — вежливо осведомился степенный писец.

— Нет в том нужды.

Мысли Ивана Парфентьевича опять перенеслись туда, где затерялись сборщики податей.

Тихие да смиренные лопины всякий раз исправно платили дань. Если бы не случилось чего-либо, то Савва Лажиев непременно был уже в Коле. Надобно об этом воеводу уведомить да просить его стрелецких людей послать на розыски.

2

Кольский воевода Алексей Петрович Толстой и аглицкой земли капитан сэр Джемс Виллоби сидели за столом друг против друга и играли в шахматы.

На голове у Джемса Виллоби рыжий парик, из-под которого виден на лбу розовый шрам.

Временами вены на лбу и шрам набухают кровью, и от этого кажется один глаз чуть выше другого.

В приказной избе было жарко и дымно, пахло свечным нагаром, сажей и табаком. Передвигая фигуры на шахматной доске, сэр Джемс Виллоби не вынимал изо рта дымящуюся трубку. Изпод рыжего парика у капитана стекали на обветренный лоб крупные капли пота. На бритых щеках и кончике вислого носа пунцовели неровные пятна. Игра выходила вничью. На шахматной доске было всего несколько фигур. Короли давно покинули свои насиженные позиции и стояли один против другого, не питая никакой враждебности. Игроки утратили первоначальный интерес, азарт постепенно пропал.

— Ни-чья, — по-русски, но с заметным акцентом объявил Джемс Виллоби.

— Как в прошлый раз, — заметил Алексей Петрович.

— Вы играете пре-вос-ходно! — похвалил капитан.

— Спасибо, сэр Виллоби! — польщенный похвалой аглицкой земли капитан широко улыбнулся Толстой.

Мысли игроков были уже далеко от только что законченной вничью партии, праздной горкой лежали на столе искусные фигурки, вырезанные местным косторезом из мамонтова зуба.

— Россия вступила нынче в пору смуты и бедствий, — молвил Джемс Виллоби, как бы продолжая прерванную беседу. — Его величество король Иаков, отправляя меня в сей вояж, просил передать, что Англия готова помочь соседу...

— Надобны нам пушки и ядра, кованое железо для сабель и свинец для пуль, — подхватил воевода. — Оружие на ворогов, что Русь разоряют, надобно нам до весны в Колу доставить. Чтобы по санному пути на Москву везти.

— Его королевское величество готово снарядить этой же зимой несколько судов и высадить гарнизоны в Коле и Архангельском городе, в Холмогорах и Вологде, — объявил капитан, — Весной Англия окажет помощь Ярославлю, Казани и Астрахани, — невозмутимо добавил он.

«Эк, куда хватил!» — удивился Алексей Петрович.

— За милостиво оказанную королем воинскую помощь всю морскую торговлю с Россией надлежит передать британской короне, а голландцев, датчан и шведов более не допускать в русские порты на Мурмане и Белом море, — излагал свои условия военной помощи английский капитан.

— Какая нужда Казани и Астрахани в аглицких солдатах? — удивился воевода.

— На востоке у Руси тоже есть враждебные племена, — пояснил Джемс Виллоби.

— Персы искони торговлю с нами ведут, с мордвой, чувашами и черемисами Русь в мире пребывает, Казань усмирил царь Иван Васильевич в тот самый благословенный год, когда аглицкой короны капитан Ричард Ченслер прибыл из Холмогор в Москву и доставил Государю Всея Руси грамоту от короля Эдуарда, — вежливо возразил Алексей Петрович.

— Это весьма досточтимое и памятное событие и для Руси и для Англии, — оживленно проговорил Джемс Виллоби. — В нашей же семье оно памятней, чем кому-либо другому. Начальником этой экспедиции был мой дед сэр Гуго Виллоби.

Отец Алексея Петровича в бытность свою служил в государевом посольском приказе. Он и рассказывал сыну о снаряженном в Бристоле караване из трех судов, которым надлежало, обогнув Норвегию, выйти в Ледовитый океан и продолжить путь в Китай. В тумане севернее Нордкапа корабли разлучились. Адмирал Гуго Виллоби добрался до Новой Земли, но льды заградили ему путь, и он пристал к берегу в устье реки. Сэр Гуго Виллоби погиб вместе с командой флагманского корабля. Не дождавшись адмирала в условленном месте, капитан Ричард Ченслер взял курс в Белое море. Как посол, он из Холмогор по суку отправился в Москву и был благоклонно принят Иваном Грозным.

Это путешествие положило начало торговле России с Англией.

«Дорого обойдется нам такая помощь, — с беспокойством подумал кольский воевода. — Там литовцы да ляхи, тут — англичане. И дыхнуть не вмоготу станет».

— Воинских людей на Руси предостаточно, — сурово проговорил Алексей Петрович. — А вот пушек, оружия да боевых припасов у нас не хватает...

— Но ведь мужики и простолюдины из городов — это не воины, — возразил капитан. — Их прежде обучить воинскому искусству надобно... На короля же свейского Карлуса надежда плоха: ему нужны лопские земли да и Поморьем он, пожалуй, не погнушается. Под носом у него датчане закрыли Зунд. Дабы прорубить пошире окно в океане, король повоевать Колу хочет и весь Мурманский берег.

Двоедушие свеев обнаружилось еще в самом начале военной кампании. А нынче их наглости нет предела: одну за другой стали захватывать союзники северные русские вотчины.

— Найдется и на перевертников управа, — угрюмо произнес воевода. — Но коли доброе дело между государями нашими случилось, то и мы жить в мире станем.

— Кола далеко от Москвы, и так долог путь сюда, что не всякая птица долетит, — продолжал бархатным голосом Джемс Виллоби. — И худо придется колянам и малому стрелецкому войску, если подступят swei к острогу с моря либо с суши...

«Не зря аглицкий капитан торчит здесь с самой осени, — подумал Алексей Петрович. — Видать, вынюхали что-то агенты короля Иакова в Стекольне¹».

— Бог единый и всемогущий над нами: все видит и слышит и в обиду попусту не даст, — уклончиво ответил Джемсу Виллоби кольский воевода.

¹ Стокгольм.

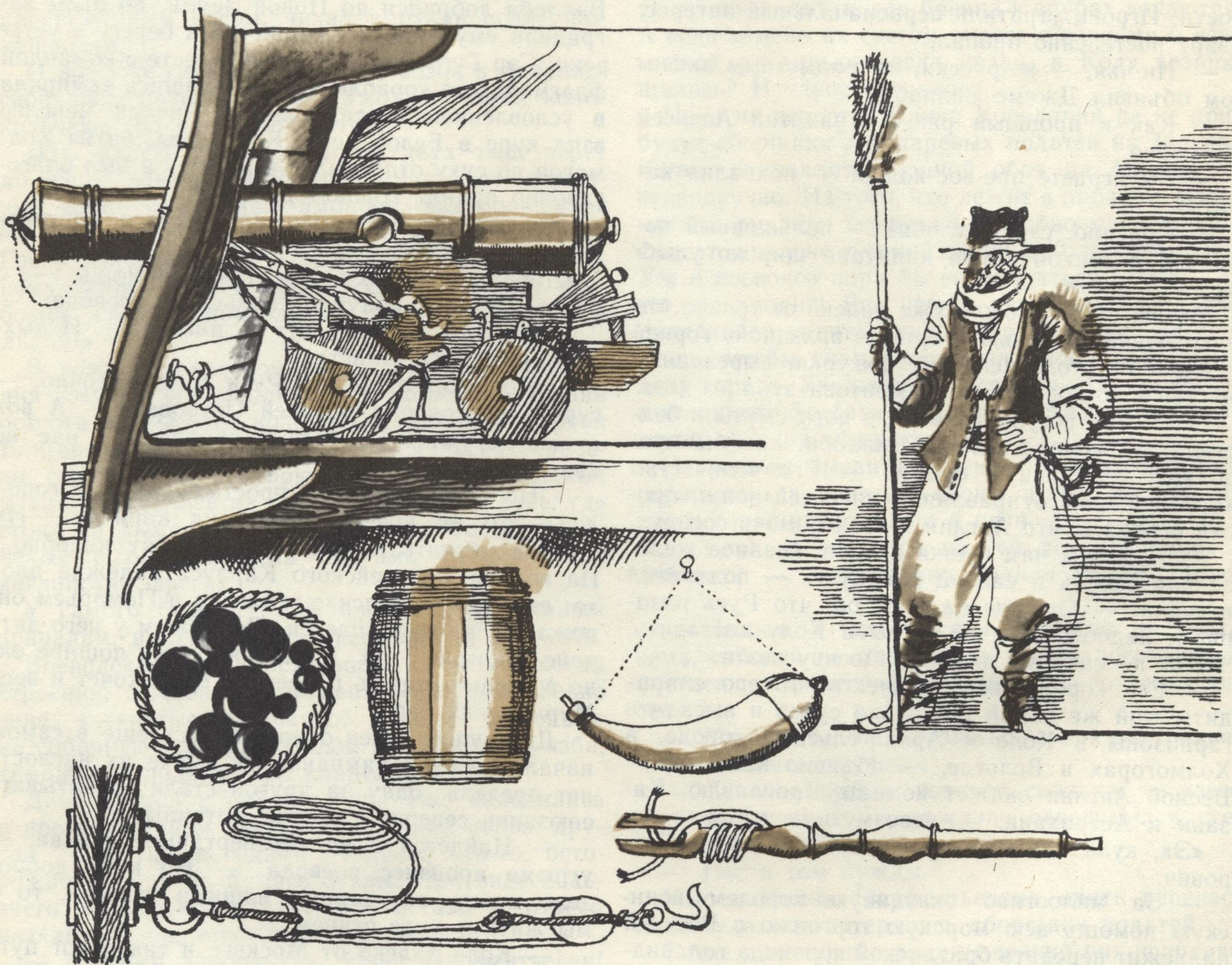
Опечаленный невеселыми думами, пошагал Алексей Петрович Толстой к Северной башне, что возвышалась на каменной насыпи над морем. Колкий морозный воздух сердито щипал лицо, нахолаживал спину под собольей шубой.

С голого залива дул ледяной ветер, наметая сугробы перед заиндевелыми избами посадских людей. На смену белесому короткому дню надвигались сумерки.

— Желаю здравствовать, воевода! — отрывисто произнес он.

— Будь здоров и ты, сотник! — ответил на приветствие Алексей Петрович.

По скрипучей деревянной лестнице поднялись на верхний ярус с круговым обзором. Глазам воеводы и стрелецкого сотника открывались просторы тундры, занесенные снегом. Внизу в остроге рядами сбегали к заливу неширокие улицы. Вплотную один к другому стояли дома служивых стрельцов, мастеров — медников, косторез-

В догорающем свете полярного заката прозрачным видением поднялся над черными водами залива непашенный город.¹ С трех сторон защищали его высокие деревянные стены. За долгие восемь лет воеводства Алексей Петрович привык к нему и полюбил.

У входа в острожную башню воеводу встретил стрелецкий сотник Тимофей Стригалин.

зов, рыбаков, корабельщиков. Из печных труб поднимались в морозный воздух сизые струйки дыма. Приятно пахло избяным теплом.

— Из Лопи сборщики податей еще не воротились? — спросил Алексей Петрович.

— Нет, боярин, никто не воротился, — покачал головой сотник. — Как уехали, так ни слуху ни духу.

Воевода молчал, вглядываясь в заснеженные дали. Сотник, держа в руках связку ключей от острожных ворот и зеленых пороховых амбаров, тоже смотрел вдаль.

— За морем смотрите?

¹ В старинных документах Кола называется «непашенным городом». Жители Колы землю не пахали, а занимались охотой, торговлей, промыслами и ремеслами.

Алексей Петрович взгляделся в темную половину горизонта, где появились в небе первые звезды. Оттуда несло ледяной жутью, нестерпимым холодом.

— Глядим в оба, — ответил Стригалин.

У основания остроконечной Северной башни обрывалась земля. Дальше — тысячеверстные просторы океана.

Кола — ворота во все чужеземные страны! И держать их надобно на крепком запоре! А как удержишь, коли всего сто двадцать стрельцов в остроге да тридцать восемь пушкарей с десятью небольшими пушками? Вся надежда на лихих и отважных людей посадских, чьих предков увлекли приволье далекого моря и богатства северных промыслов.

Воевода и сотник спустились в нижний ярус башни. В том месте, где под острым углом сходились северная и западная бревенчатые стены, стоял зеленый амбар.

— А поглядим-ка, сотник, не отсырел ли порох в бочках? — озабоченно проговорил Алексей Петрович. — А то ненароком и палить нечем будет, когда нужда в том появится.

Побрякав тяжелыми ключами, Стригалин отыскал нужный и принялся отпирать полупудовый замок, который был накинута на кованый засов.

Дубовая одностворчатая дверь с легким скрипом отворилась. Воевода и сотник вступили в темень. Огонь высекать было опасно. От малой искорки мог вспыхнуть весь порох. И тогда подняло бы взрывом в морозный воздух и зеленый амбар, и башню, и стену.

Алексей Петрович на ощупь отыскал в темноте бочку с пороховым зельем. Откинув крышку, он стал растирать пальцами невидимые зерна. Порох содержался сухим, в надлежащем порядке!

Возвращаясь назад, воевода заглянул в Приказную избу. Подьячий Иван Махонин и двое писцов вскочили за столом, низко поклонились ему.

— Что нового, Иван Парфентьевич? — осведомился Толстой.

— Тревога меня обуяла, Алексей Петрович, — пожаловался подьячий. — Шестая неделя пошла, как уехали сборщики податей в Лопь, и все их нет.

— Срочно наряди розыск, — распорядился воевода. — Целовальника Сумарокова пошли да людишек надежных с ним.

— Слушаюсь, воевода, — склонил голову подьячий.

Алексей Петрович отправился в свои хоромы. В верхних покоях, в женской половине было тепло, уютно. Желтым пламенем светили лампы, освещая весь красный угол. Жена воеводы вышивала шелками плащаницу. При виде мужа она оставила рукоделье, с живостью встала и пошла ему навстречу.

— Свет ты мой ненаглядный, Алексей Петрович! — ласково проговорила молодая женщина, обнимая пахнущего морозом и снегом мужа.

— Проголодался я, Анница, — целуя жену, молвил воевода.

Он снял шубу и остался в малиновой ферязи из мендритского сукна, перетянутой поясом с множеством серебряных бляшек.

Служанка принесла семужьей ухи, душистого ржаного хлеба, только что вынутого из печи. Анница зачерпнула вина. Поставила на дубовый стол перед мужем большой серебряный кубок. В глубине серых глаз ее засветилась счастливая улыбка.

Аннице есть не хотелось. Глядя на мужа, пригубившего вина, она брала из деревянной тарелки миндальные зерна и неторопливо их раскусывала.

Алексей Петрович поел рыбы, похлебал ухи, попил из ковша хлебного квасу.

— Совсем замучили тебя заботы и хлопоты, — посочувствовала Анница супругу.

— Нелегкие дни настали... — отозвался Алексей Петрович. — То свеи, то ливонцы деревеньки опустошают да подданных в полон уводят. А тут еще датчане того и гляди исконные русские земли на мурманском берегу оттягают. А седни утром аглицкий капитан сэр Джемс Виллоби домогался своих людей воинских по ихнему королевскому хотению в Колу, Архангельск да Холмогоры прислать. Но ведь одна лишь морока от помочи аглицкой.

4

Савва Лажиев с дюжиной сборщиков податей на оленях проехал больше тысячи верст. Узкие нартовые пути приходилось прокладывать в снегу глубиной в полтора аршина. От становища к становищу, что затерялись в Лопской тундре, двигались груженные дорогими мехами нарты. Усталые олени упрямо одолевали сугробы и наледи.

На берегу реки обоз застрял. Ночью началась пурга, и наутро снежные вихри заволокли небо и землю. Вокруг не стало видно ни зги.

Савва Корелянин поселился в просторной веже¹ старосты Агика Игалова. Снаружи доносился жалобный вой разыгравшейся не на шутку метели. А внутри было тепло, спокойно, уютно. Радужный хозяин угощал гостя олениной, семужьей икрой и морошкой.

— Все ли в краю мир да покой? — шуря маленькие карие глаза, расспрашивал гостя хозяин.

— Тыщу верст по тундре отмахали, а нигде разора от чужеземных воинских людей не видали, — отвечал Савва.

— А жив ли на Москве бачка-государь? — интересовался Агик.

— Царь Всея Руси? — уточнил гость.

— Да, да. Он самый, царь Иван сын ба... Васильевич, — пояснил Игалов. — В те поры мой дед тоже старостой был, и довелось ему с обозом в Москву ездить. Так он самого царя-осударя бачку на красном крыльце осударевых каменных палат видел...

¹ Жилище лапландца.

— Царем в Москве в сию пору Василий Иванович, — сказал Савва. — Тот прежний Иван Васильевич и другой Борис Федорович померли.

— Царство им божие теперь там, на небе, — Агик указал рукою наверх. — А здоров ли воевода в Коле?

— Слава богу, здоров.

В жаровне ало светились догоравшие угли. Оттуда тянуло теплом и угарцем, хотя дым свободно выходил в отверстие на самом верху вежи.

Гость и хозяин сидели на полу, устланном толстым слоем оленьих шкур и продолжали беседовать. Глаза лопина светились добротой и радушием. Он был рад появлению в его веже нежданного гостя.

Жена Агика в длинной меховой юпе¹ и головной кумачовой повязке, унизанной бисером, сидела в другом углу и рассказывала детям сказку о добром медведе.

Короткий день слился с долгой ночью. На дворе продолжала свистеть пурга.

Игалов расспрашивал Савву, откуда он родом, где пришлось бывать ему и что видел на свете. Лажиев охотно поведал лопину о своих молодых годах, когда жил на берегу Олонки и вместе с родителями занимался хлебопашеством. Но случился мор. В доме все померли, и захотелось Савве увидеть другие земли и далекие моря. И отправился он вместе с отважными охотниками на Новую Землю. Летом ловили гольцов, белуху да морских зайцев. Зимой ставили ловушки на песцов. Случалось, сохли от хвори, и зубы начинали выпадать. А спасались от той окаянной болести травой-зверобоем да еще пили свежую оленью кровь. Надоели Савве долгие зимовки, и осел он в Коле. И вот уже который год податным ездит по земле лопинов, находясь на службе у подъячего Махонина Ивана Парфентьевича.

В первый же день хозяин вежи и гость из Колы побратались. Обменявшись нательными крестами, Агик и Савва навеки закрепили дружбу, стали крестовыми братьями. Соблюдая вековой лопский обычай, Игалов подарил Савве связку лисьих шкур.

— А мне вот нечем тебя отдарить, — засуетился Лажиев, растроганный щедростью хозяина. — Ну так возьми это, — и протянул Агику нож с полированной костяной рукояткой.

Начавшаяся пурга свирепствовала неделю. Вокруг становища намело огромные сугробы.

Как только стих ветер, Агик запряг ездовых оленей и отправился вместе с пушным обозом показывать дорогу к соседнему стойбищу.

В розовато-сумрачном свете нарождавшегося зимнего дня заголубели снеговые дали, взгорбленные холмами. Мелкий голый кустарник, едва торчавший из снега, сменил невысокий ельничек с чахлыми, корявыми березками.

Впряженные в нарты отдохнувшие олени с удивительным упорством и живостью выбирались из сугробов. Агик Игалов, сидя в легких беговых керезах², гикал, свистел, погоняя при-

ученных к быстрой езде животных. За ним следом ехал Савва Лажиев. Прижавшись спиной к тюку звериных шкур, он внимательно всматривался в реденький тундровый лес. Он напомним ему новоземельскую тундру, где местами тоже росли деревца, но даже в середине лета на них лишь появлялись почки и никогда не распускались листья.

Совсем еще недавно стихла пурга, а на снегу уже видны были следы только что пробежавших лисиц и росомех. Всего в нескольких шагах от керезей Агика Игалова прошагал бурый медведь. Но староста проводил его восхищенным взглядом и не взялся за тяжелое фитильное ружье.

— Не тронь хозяина! — обернувшись назад, крикнул Агик.

Не проявляя ни беспокойства, ни робости, медведь отошел в сторону от нартового обоза и остановился в ельнике на виду у людей.

Когда сделали остановку за холмом, где снег был неглубок и выпряженные из нарт олени могли достать из-под него ягель, Савва спросил Агика:

— Почему не убил медведя?

На широкоскулом лице лопина засияла хитроватая улыбка. Он молчал, обдумывая что-то.

— Старые люди сказывали, у медведя двенадцать сил мужских и десять умов людских, а вреда нам не приносит никакого, — неторопливо произнес Игалов. — Оленя не трогает, людей в тундре не обижает. Зачем стрелять?! Худой человек стрелять станет. Добрый — не будет.

Вечерняя заря, широко разливавшаяся алым цветом по небосклону, медленно тухла. На заснеженную тундру опускалась долгая ночь. В темно-синем небе одна за другой зажигались далекие звезды. Становилось все холоднее. На небе стали появляться многоцветные всполохи. Они делались все шире, вспыхивали ярче.

— Души наших сородичей, что вверх поднялись после смерти, с духами злыми не ладят, — сказал Агик, показав рукой на вспыхивавшие в холодном небе световые столбы. — Все спорят с ними.

Савва удивился этому поверью лопинов, но промолчал из уважения к своему побратиму.

На другое утро они увидели множество мышиных следов на снегу и белых куропаток.

Неожиданно лесок расступился, и глазу открылась широкая низина с извилистой, окаймленной прибрежными кустами рекой.

Савва издали заметил торчавшие из воды кольца забора для ловли семги. На берегу в беспорядке стояли островерхие вежи, занесенные сугробами. За стойбищем паслось стадо оленей.

— Дальше укажут дорогу другие, — сказал Агик и поднялся из керезей, чтобы попрощаться с братом и податными людьми.

5

Норландский наместник ярл Бальтазар Бек прибыл в Королевскую Гавань на берегу Ледо-

¹Верхняя одежда лапландца.

²Нарты лапландца.

витого моря, чтобы осмотреть сорокапушечный фрегат «Корона». Наместника встретил капитан Якоб Лаппмарк.

У Лаппмарка вся правая часть лица обезображена ожогами и поврежден нос — следы давних сражений с датчанами.

Бальтазар Бек огромного роста, прямой и надменный.

Наместник Норланда окинул взглядом верхнюю палубу, матросов, спускавших в ядерный погреб двенадцатифунтовые ядра, оглядел мачты с повисшими парусами. На широкой с резными подзорами корме фрегата заметно выделялся заиндевелый золотой лев с разинутой пастью. Мысленно прикинул, в какую сумму обошелся королю снаряженный фрегат.

В просторной капитанской каюте было тепло. Несколько подозрительных труб да набор мореходных карт для плавания — это было, пожалуй, все, что увидел Бальтазар Бек. «Пусто, как у монастырских братьев», — подумал наместник.

— Как только закончите погрузку ядер и провизии, поднимайте якорь, — ровным, бесстрастным голосом произнес Бальтазар Бек. — После завтра выйдет с отрядом латников ротмистр Клементссон. Надо полагать, «Корона» войдет в Кольскую бухту раньше, чем доберутся латники к стенам московитской крепости. Во время плавания старайтесь быть в видимости берегов Мурмана. Бомбардировку Колы не начинайте до прихода ротмистра Клементссона. Стойте на якоре за пределами стрельбы крепостных пушек и ждите.

— А если в Кольской бухте стоит иностранное судно: английское либо ганзейское? — осведомился капитан Лаппмарк.

— Пошлете к ним на борт офицера и предложите покинуть бухту, — сурово произнес наместник. — К воеводе Толстому направьте парламентаров: потребуйте впустить латников в острог без пролития крови. А если воспротивится кольский воевода, произведите штурм по всем правилам военной науки. Скоро выйдет в поход отряд наемных воинов под командованием швейцарца Готлиба Кюне. Вместе с ним я прибуду в Колу. Надеюсь, к моему приходу крепость будет в наших руках и вы — капитан Лаппмарк, как было угодно королю, — вступите в права кольского наместника.

— Коли будет угодно Святой Бригитте, «Корона» не посрамит чести флага, — склонил седую голову Лаппмарк.

* * *

В полдень, когда погрузка была закончена и команда отобедала, на фрегате прозвучала команда:

— На шпиль! Якорь выбирать!

Баковые матросы принялись выхаживать якорный канат. И вот уже с капитанского мостика донесся звучный голос Лаппмарка:

— Паруса ставить!

Марсовые устремились вверх по веревочным

трапам на брасы и фалы. Пышно распускались марсели, брамсели и бом-брамсели.

Фрегат отошел от берега. Паруса, пузырясь, забирали ветер.

«Корона» ходко вышла из бухты и взяла курс в открытое море.

Днем корабль шел в видимости берегов. Ночью земля исчезла из виду. Кормчий Эрик Гильдебрант прокладывал путь по карте, определяя место корабля в море по звездам, сплошь усыпавшим полярное небо.

Море было спокойно.

Фрегат, слегка кренясь и покачиваясь с носа на корму, упрямо рассекал студёные валы. Водяные брызги живым жемчугом отрывались от форштевня. Никаких судов навстречу «Короне» не попадалось.

Когда показался впереди скалистый Мурманский берег, подул порывистый ветер-полуночник. Он налетал сильными шквалами. Разом почернел небосвод на норд-осте. Оттуда несло тяжелую снеговую тучу. Началась пурга. Снежные вихри закрутились над верхушками мачт. Ветер неистово рвал паруса, свистел, завывал и ухал. Ничего не стало видно вокруг.

Якоб Лаппмарк различал впереди лишь кусок обледенелой верхней палубы.

— Рифы брать! Убрать брамсели и бом-брамсели! — зверем зарычал капитан.

6

Четыреста рослых оленей тянули в темноте груженные оружием и боевыми припасами нарты. В меховых шапках, укутанные до бровей, жались спинами один к другому замерзшие латники. Нартовый обоз держал путь на Колу.

Укутавшись в меховую полость, ротмистр Пер Клементссон дышал на озябшие руки и хмуро глядел в темную даль. Он был горбоносый, уса-тый и узколицый, с выдающейся вперед нижней челюстью и оттопыренными губами. Клементссон изо всех сил боролся со сном, чтобы не зачехнет на морозе. Накануне похода Клементссон допоздна играл в карты с швейцарским ротмистром Кюне и проиграл ему сто двадцать талеров. Это было полугодовое жалование, которое выдали Клементссону наперед по контракту за ратный труд в далекой Коле.

Пусто стало на душе, когда остался без денег. Только успешный поход и военная добыча на завоеванном Мурмане могли заполнить образовавшуюся пустоту.

Постепенно стало розоветь небо на востоке. Стих ветер, но мороз, казалось, еще больше усилился. Холод проникал под теплую шубу.

В синеватой мгле стали видны сопки, поросшие низкорослыми елями. А когда рассвело совсем, перед глазами Клементссона заколыхались незамерзающие хляби Печенегского залива. С санями ротмистра поравнялся Клаас Торфинен, командовавший передовым лыжным отрядом.

Тонкий, изящный, порывистый и совсем еще

юный Торфинен впервые отправился в такой дальний поход. Труды и опасности, которые ожидали его в далекой Коле, не казались ему такими страшными, как приходилось не раз слышать от закаленных в походах опытных воинов.

— Пора поворачивать на юг, господин ротмистр, — охрипшим от простуды голосом проговорил вахмистр. — И тогда мы вступим на самый короткий путь в Колу по тундре. — Торфинен замялся на миг, потом молвил нерешительно. — Да и не пора ли нам устроить привал? Олени устали да и лыжники мои утомились за ночь...

— Пока светло, нужно пройти еще миль восемь, — буркнул из саней Клементссон. — И тогда мы сумеем сегодня добраться до московитского монастыря на Печенге. Привал устроим в тепле. Я позволю двое суток бездельничать латникам. И лыжники твои отоспят на славу.

Посланные в монастырь лазутчики неделю назад воротились и сказали наместнику Норланда, что стрельцов московитских в обители нет, а проживают в ней полтора десятка монахов.

Еще при Василии Темном иеромонах Трифон обратил язычников — лопинов в христианство и выстроил на реке Печенге православный монастырь. Богатыми рыбными ловлями, стадами оленей, жемчугом в быстрых и холодных реках да пушным зверем славилась на Руси эта святая обитель. Но с той поры, как побывали в ней по воровскому делу свейские воинские люди, оскудел монастырь...

Лыжники Клааса Торфинена продолжали прокладывать путь по берегу залива через огромные снежные сугробы и каменные завалы. Пер Клементссон издали видел крохотные, скользящие по снегу фигурки лыжников. До слуха ротмистра доносились лишь мягкое поскрипывание полозьев да усталое дыхание впряженных в сани животных. В стилом сумраке гаснущего дня колыхались впереди ветвистые рога множества движущихся оленей. От черной поверхности воды струился пар. Сырой воздух пронизывал до костей.

Чтобы сократить путь, лыжники отходили от берега и возвращались опять, спускались в низины и поднимались на сопки. Наконец отряд до-

стиг устья реки Печенги. На краю горизонта размытым рисунком показались очертания православной обители. Смутно угадывались сложенные из камня стены и башни, полуразрушенная звонница с покосившимся после пожара крестом наверху.

Лыжники Клааса Торфинена первыми ворвались в монастырь. В нем было безлюдно, хотя из натопленных келий еще не улетучилось тепло. На снегу за монастырскими воротами были видны следы нартов и оленьих копыт, уходившие в сторону Колы.

Латники распрягали оленей и отпускали их на волю искать корм. Во дворе обители запылали костры. Латники взламывали дубовые двери в подвалах, тащили наверх еду. В покоях, где устроился ротмистр Пер Клементссон, выростала гора из собольих и лисьих шкур, медных и серебряных крестов, паникадил и дорогой посуды.

Большая часть военной добычи предназначалась королевской казне. Королю нужны были деньги, чтобы набрать новые отряды наемников и продолжать войну с Данией.

7

Саный обоз сборщиков податей находился в самом дальнем лопском становище. Оставался один переход до оскудевшей после свейского разора обители на реке Печенге. А дальше простиралась королевская земля.

Податные люди распрягли оленей и пустили их на ночь кормиться, чтобы утром отправиться в обратный путь — в Колу. Совсем стемнело, и сборщики разошлись по вежам гостеприимных лопинов, чтобы в тепле скоротать долгую ночь. Но недолгим оказался их отдых.

Савва Лажиев услышал крики и мушкетные выстрелы неподалеку. Он выбежал из вежи и увидел свейских воинов. Сбросив лыжи, они носились по стойбищу и выволакивали на улицу мирных лопинов и податных. Следом за лыжниками в стойбище входил оленьий обоз. «Бежать! Скорее бежать отсюда! — подумал Савва. — А подати, собранные в дальних погостах Лопи? Не оставлять же тысячи лисьих и собольих шкур за здорово живешь свеям!»

Но разыскивать в темноте пасущихся оленей и запрягать их в нарты уже не было времени. Савва увидел возле соседней вежи четверых податных, пытавшихся оборонить государево добро. Лажиев кинулся им на помощь, но его сбили с ног. Он проворно вскочил и хотел бежать, чтобы скрыться в тундре, но его повалили опять, заломили назад руки и связали сыромятным ремнем.

Двое латников повели Савву в другой конец стойбища. И вот он предстал перед ротмистром

Клементссоном, избитый, с разорванным ухом и синяком на лице. В свете горящего жира Лажиев увидел усатое, свирепое лицо с выражением злобы в круглых глазах.

— Какой ден съехал обоз из Колы? — по-русски произнес Клементссон. Несколько лет ротмистр стоял с эскадрой рейтар на рубеже Гдовского уезда. Там жили русские, и Пер Клементссон научился понимать язык московитов и изъясняться на их варварском наречии.

— Выехал оттуда до рождества, — не сразу ответил Савва.

— Скольким многим числом держат там московитских стрельцов? — продолжал допрашивать Пер Клементссон.

Лажиев догадался сразу, что свейское войско держит путь на Колу и намерения у ихнего начальника, видать, воровские, коли интерес имеет, какова воинская сила в остроге. Сказать ему правду — значит, обнадежить свея: ведь в Коле мало стрельцов. «Хотя и в мире живут государь Руси и король Свей, а в таком деле ухо держать нужно востро», — подумал Савва.

— Полтыщи стрельцов с самопалами, пожалуй, наберется в остроге, — глазом не моргнув, солгал он. — А может быть, и того больше. Не считал ведь я...

— Откуда их взялось столь много? — еще больше округлились увлажнившиеся в тепле глаза ротмистра Клементссона.

— По первопутку из самой Москвы их прислали на случай, если какие ни то литовцы либо ляхи по недоброму делу нагрянут, — продолжал Савва. — В кажинном доме постоем стоят воинские люди: то пушкари, то стрельцы.

— А пушек сколько будет в Коле?

— Сколько наберется в остроге пушек — не знаю, истинный крест, не ведаю. — И Савва перекрестился, глядя прямо в глаза свейскому ротмистру.

Живя уже больше двух лет в Коле, Лажиев знал, где и какие стоят пушки, но лучше было, как ему казалось, отделаться незнанием от назойливого чужеземного воина.

— Какких держав военные суда и... купеческие также остались на зиму в Кольской бухте? — не унимался Клементссон.

Проходя по острогу, Савва всякий раз видел английское трехмачтовое судно, стоявшее на якоре посреди бухты. Но покинуло ли оно Колу или стоит на прежнем месте — было ему неизвестно.

— Знать не знаю и ведать не ведаю, — молвил в ответ Лажиев. — Но когда выезжали из острога, так будто лес, торчали корабельные мачты в бухте. А чьи именно — не ведаю тож.

Озлобленный бестолковыми ответами московита, Пер Клементссон велел вытолкать его из вежи: все равно ничего путного от него не добьешься.

«Самоотверженный труд молодежи приближает заветный рубеж: выйти в нынешней пятилетке на добычу миллиона тонн сибирской нефти и миллиарда кубометров газа в сутки».

Из отчетного доклада
первого секретаря ЦК ВЛКСМ
Б. Н. ПАСТУХОВА
на XIX съезде комсомола

ДОРОГА К НЕФТИ

СО ВСЕСОЮЗНОЙ УДАРНОЙ СТРОЙКИ

Когда-то на месте громадной Западно-Сибирской низменности плескалось море, в одно устье сходились сюда реки Ангара, Обь и Подкаменная Тунгуска. В шельф, прибрежную часть моря, выносило остатки рыб и рачков. Их заносило речным илом, песком и галькой, которые выносили реки. Потом, под толстым слоем наносных пород эти органические остатки разлагались. Так, считают некоторые ученые, планета и получила нефтяной Самотлор. Многие месторождения нефти открыты в таких вот устьях древних рек на Земле.

Веками мерзли люди на этой земле и не знали, что под ними в глубинах источник тепла. Всего два десятилетия понадобилось людям, чтобы неузнаваемо изменить облик равнины.

Одно из толкований слова «Самотлор», давшего название месторождению нефти, — сердце-озеро. Глядя с вертолета на землю, легко убедиться, что крупнейшее из озер в этих местах впрямь по рисунку своих плоских берегов напоминает сердце.

Сейчас озеро оправлено кольцом стокилометровой бетонной дороги, росчерки бетонных вписаны в его воды.

Для того, чтобы освоить эти просторы, открыть путь нефтяникам и буровикам к этим подземным кладовым, нужны были дороги.

Опыта строительства подобных дорог не было ни в одном нефтяном районе мира — ни в США, ни в Канаде.

Поначалу их строили так: сперва выбирали на всю глубину болота торф. Порой такие траншеи доходили до глубины восемь-десять метров. Работали зимой, когда строителям помогал мороз. По мере того, как бульдозеры и экскаваторы вгрызались в торф, мороз намертво схватывал стенки, не давая жидкому месиву затопить котлован будущей трассы. Потом траншею засыпали грунтом, укатывали, укладывали бетонные плиты.

Строилась такая дорога медленно. Стоила очень дорого. Грунт и щебень приходилось возить за сотни километров.

Но освоение нефтяных месторождений требовало более высоких темпов. Дороги сле-

довало научиться строить в любое время года с меньшими затратами.

Центр месторождения, как выяснили геологи, находился под самым озером. Именно там, в слоеном пироге горных пород, на глубине двух километров и сосредоточены главные запасы нефти. Но как ее взять? Нефтяники уже имели опыт такого бурения, когда одна вышка может пробурить несколько скважин, расходящихся в разных направлениях. Но для того, чтобы поставить вышку посреди озера, нужно насыпать искусственный остров, построить дорогу. И здесь было придумано очень простое решение.

Тот, кто сегодня приедет в Нижневартовск, увидит посреди болот красивый молодой город, шагающие по тундре опоры линий электропередач, громадные резервуары, где нефть готовят к отправке стальными реками трубопроводов.

Все, что создано на Самотлоре, стало возможным благодаря подвигу строителей дорожников.

Александр МИЩЕНКО

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 26-й

ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ

— Было это в Баренцевом море. Два торпедных катера получили приказ: перехватить конвой фашистских кораблей. Одним из катеров командовал я...

Укрылись мы под самым берегом в небольшой бухточке. Ждем. Скалы темные и катера темные. С моря заметить нелегко.

Видим: идут. Большой транспорт и охрана — три сторожевых корабля и миноносец. Идут спокойно, потому что их сигнальщики нас не видят и со стороны моря ничего опасного не наблюдают...

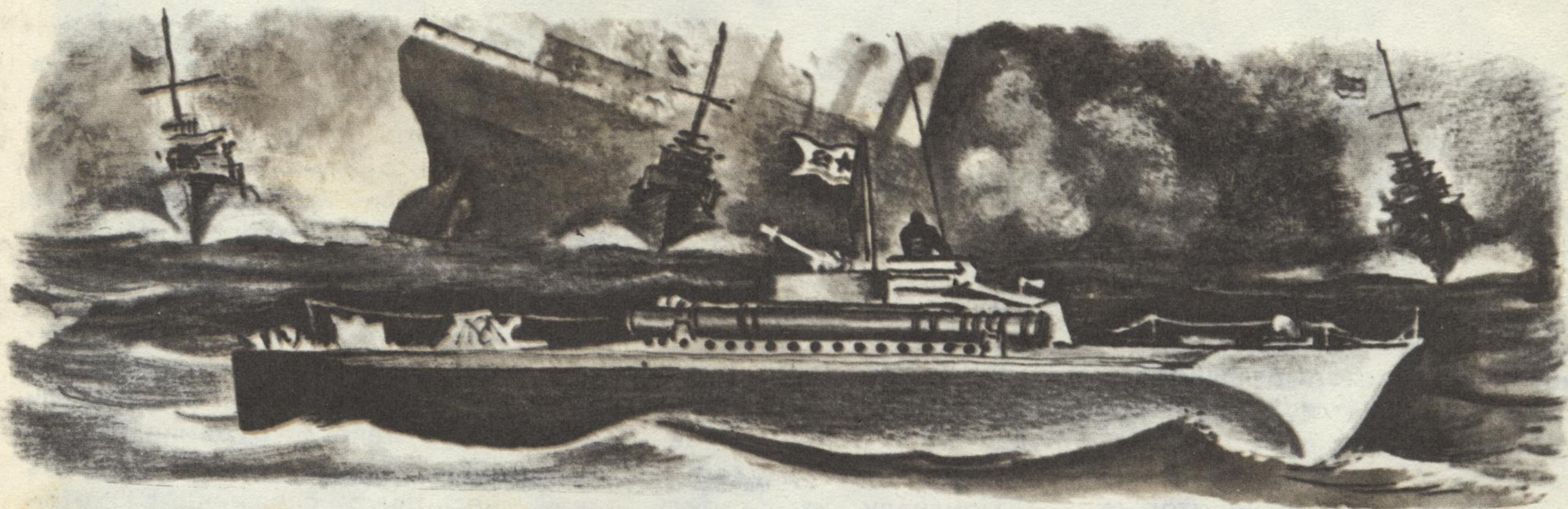
Только они с нами поравнялись, взревели на торпедных катерах моторы. Самый полный! Атака!

брать, прочистить и снова собрать, — в спокойной обстановке требуется полчаса. «Ну, — думаю, — все... Конеч...»

А боцман кричит: «Четыре минуты!» «Так, — думаю, — механики обещают за четыре минуты продуть бензопровод... Не может такого быть!»

Смотрю на вражеские корабли... Они все ближе и ближе... Кричу боцману: «Готовь подрывные патроны!» Тот кивнул. А я думаю: только подойдут — взорву и свой катер и фашиста... Глянул я в этот миг на часы: минуту отсчитала стрелка...

До врага — кабельтовых восемь. Меньше мили... Вижу: боцман сунул подрывные патроны под боезапас. Еще ми-

Фашисты сперва, наверно, решили: идут свои катера. Даже начали сигнальщики, запрашивая у нас позывные... Пока они разобрались и открыли огонь, мы выпустили торпеды. Взорвался транспорт. Загорелся и миноносец. Мы воспользовались суматохой, прорезали строй их кораблей и стали уходить в открытое море...

И тут мой катер подбросило с такой силой, что, казалось, днище расколется от удара об воду. Однако катер выдержал, но моторы — заглохли. А без них — торпедный катер беспомощен.

Боцман кинулся вниз, к мотористам. Остался я наверху один. Вижу: враг перестал стрелять и направился к нам. Решили, должно быть, взять в плен...

Боцман выскочил. Кричит: «Пробка!» Это значило вот что. Когда катер подбросило взрывом, встряхнуло бак с бензином. Бензин болтнулся, толкнул воздух в бензопровод. Воздушный пузырь — как пробка: нет подачи бензина — не работают моторы... Чтобы бензопровод разо-

нуту стрелка отсчитала... Фашистские сторожевики на волнах качаются — словно волки скачут к добыче... Один идет прямо на нас, двое заходят с флангов... Еще минута прошла... На фашистских кораблях уже лица различаю. Ближе видеть в бою не удавалось... Гляжу на часы — четвертая минута на исходе...

Вдруг механик, Миша Луконин, показался из люка. «Готово, — кричит. — Можно ход давать!»

Торпедные катера скорость набирают почти с места. Вражеские корабли нам вслед разрядили пушки. Куда там! Я уже бросал катер то влево, то вправо, а стрелка прибора дрожала на скорости, близкой к сорока узлам... Так мы и ушли...

Сдержали слово мотористы. А уж как они за четыре минуты все сделали — их секрет. Вот какой случай...

Этот рассказ я записал со слов Дважды Героя Советского Союза Александра Осиповича Шабалина.

Олег ОРЛОВ

САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Это было в 1864 году...

В Кронштадте на верфи визжали пилы и стучали молотки. Зеваки качали головами: очень уж странный был нос у парходика, который здесь снаряжали. Как будто его по ошибке спилили слишком сильно: наискось сверху вниз. Не нос корабельный, а какой-то полоз для больших саней...

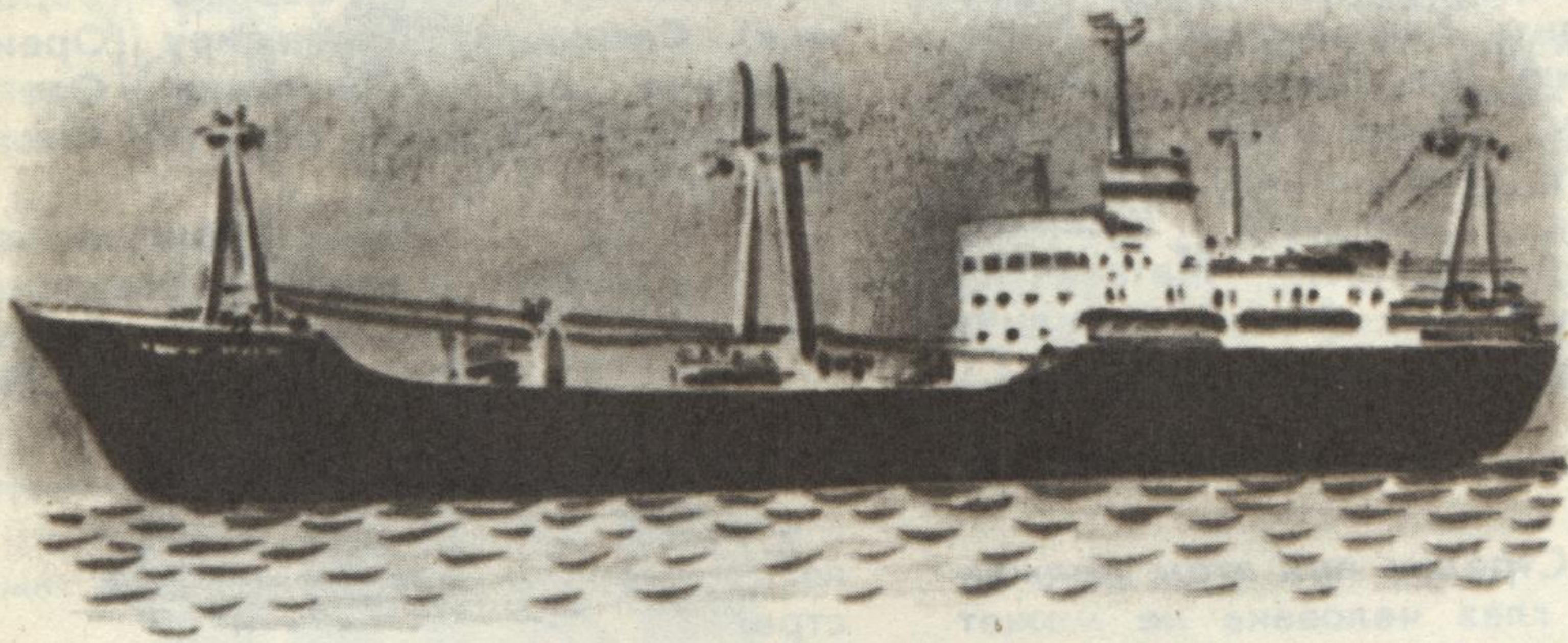
Еще больше удивились зеваки, когда пароход принялись спускать ранней весной, когда весь залив еще был покрыт льдом... Никто, кроме мастеров, еще не знал, что парходик-то эти льды должен был ломать. Вот ахнули зеваки, когда суденышко с разгону налезло на ледяное поле и раскололо его. И пошло, и пошло...

Это был первый в мире ледокол. Название его было — «Пайлот», что значит «Ведущий».

Многие ребята просят «Морскую газету» рассказать о кораблях, которые несут на борту имена пионеров-героев. Выполняем их просьбу.

ПИОНЕРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

Когда началась постройка специальных мощных и красивых теплоходов для работы в Арктике, было решено: присвоить этим судам имена пионеров-героев.

Первым со стапелей сошел флагман «пионерской» флотилии — «Пионер». За ним вступили в строй «Леня Голиков», «Зина Портнова», «Марат Казей», «Лара Михеенко»...

Теплоходы возят грузы в Хатангу, Певек, на Колыму. И работают экипажи отлично.

— Да и как можно работать плохо, — говорят моряки, — если на борту твоего судна имя пионера-героя? Только на «пять»!

И все экипажи шефствуют над пионерскими отрядами из разных городов и поселков нашей Родины.

Еще два теплохода этой серии названы в честь пионерской газеты и пионерской радиопередачи: «Пионерская правда» и «Пионерская зорька»... На нашем рисунке судно типа «Пионер».

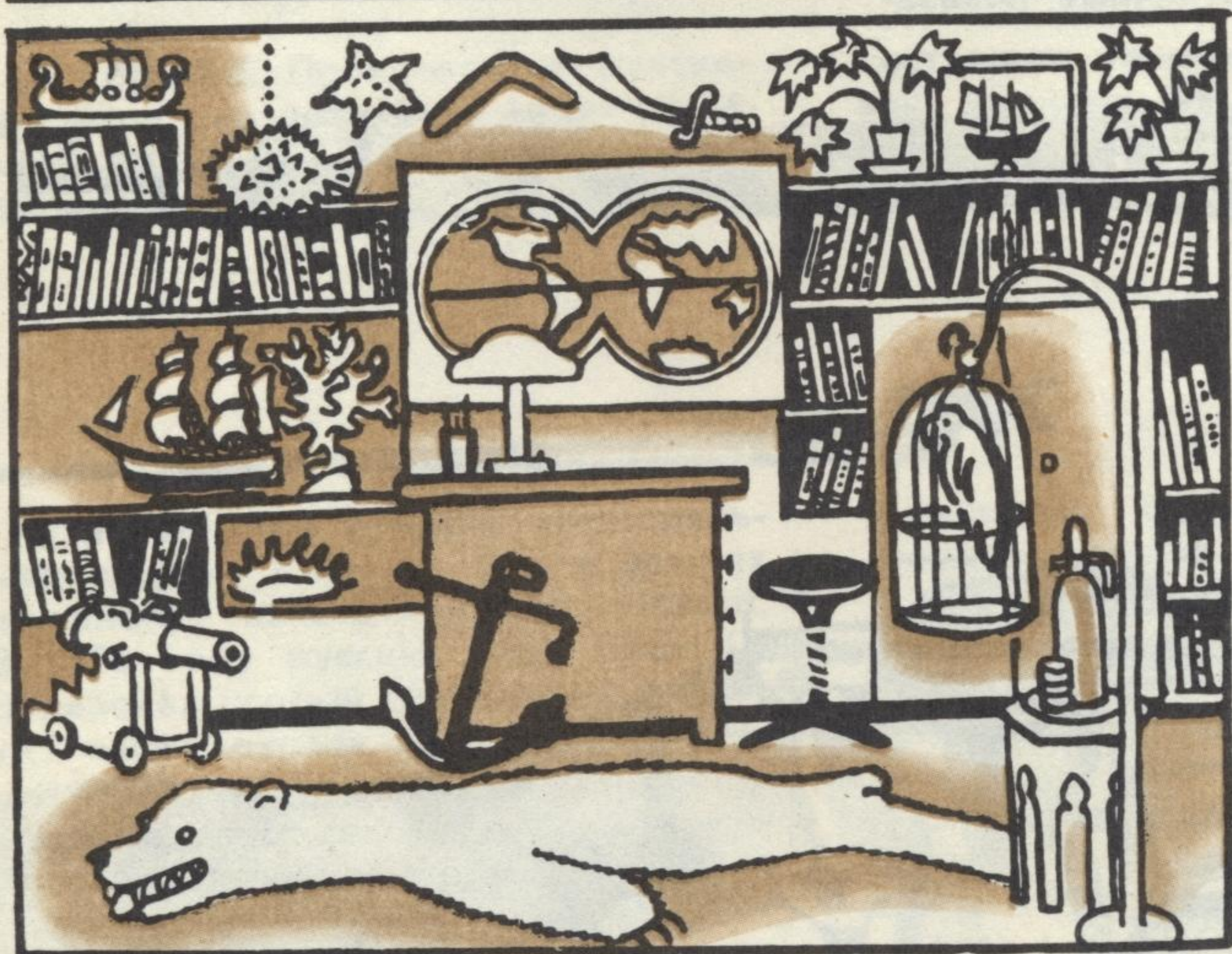
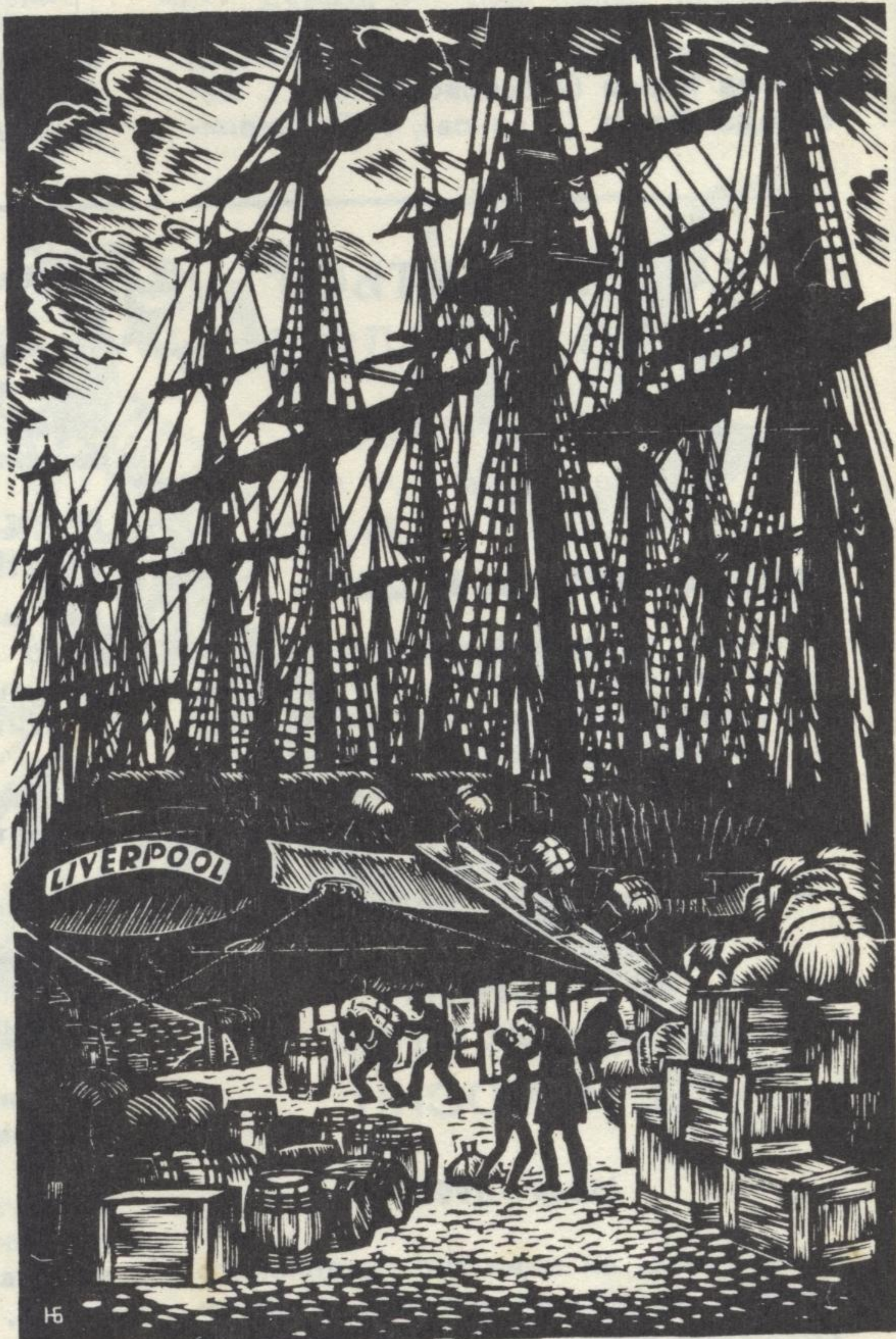
Ю. СТУДЕНЦОВ

МИР СТАРИННЫХ КОРАБЛЕЙ...

Когда смотришь на эту гравюру, переносишься в удивительный, романтический мир, уже отдаленный от нас временем — мир старинных кораблей, путешествий, приключений...

В этом — один из секретов настоящего искусства. Им владел Николай Леонидович Бриммер. Он прожил всего тридцать один год (умер в 1929-м), но сделать успел много — десятки гравюр на морскую тему. Одну из гравюр Бриммера мы печатаем.

Р. ПОПОВ

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Боцман Румпель вернулся из плавания и решил навестить старого друга капитана Быстроходова.

— Рад видеть вас, дружище! — сказал боцман. — Вижу, что у вас тут все по-старому...

— Присмотритесь внимательней, — отвечал капитан. — Кое-что, возможно, изменилось с тех пор...

А насколько зорки ваши глаза, дорогие читатели?

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Приказ № 3

За успешное выполнение заданий Школы будущих командиров

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Наградить почетными грамотами журнала «КОСТЕР»: Аксенова Владимира (Архангельская обл.), Бирюкова Владимира (Марийская АССР), Ветрова Геннадия (Мурманск), Лахова Юрия (Московская обл.), Лескодеда Олега (Жданов), Губайдулли-

на Азамата (Башкирская АССР), Подорожного Дмитрия (Светлогорск, БССР), Проценко Олега (Севастополь), Малого В. (Хабаровский край), Царева Валерия (Владимирская обл.).

2. Объявить благодарность: Дудину Дмитрию (Нефтекамск), Егорову Александру (Волгоград), Климову Александру (Ленинград), Козлову Александру (Златоуст), Кулигину Сергею (Новосибирск), Матвейчуку Александру (Новосибирск), Остудину Александру (Архангельская обл.),

Петренко Эдуарду (Ворошиловградская обл.), Пикельному Михаилу (Московская обл.), Рубель Александру (Севастополь), Томаркину Павлу (Тернополь), Рябых Сергею (Воронеж), Савицкому Владимиру (Оренбургская обл.), Соколову Олегу (Свердловская обл.), Чепурину Николаю (Москва).

Главный консультант Школы будущих командиров Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. МЕДВЕДЕВ

КАК НАУЧИТЬСЯ МЕТКО СТРЕЛЯТЬ

СОВЕТЫ ЮНАРМЕЙЦУ.

Начало смотри в № 6.

РОВНАЯ МУШКА И ЦЕЛЬ

Умение правильно прицелиться — залог точного выстрела. Сначала, как мы знаем, нужно взять ровную мушку, то есть установить мушку так, чтобы ее вершина была видна в центре прорези прицела на одном уровне

с краями. Стрелок при этом должен знать, что глаз человека не может одновременно с одинаковой четкостью видеть предметы (прорезь прицела, мушку и цель), так как они расположены на разных расстояниях.

ДЫХАНИЕ И ТОЧНОСТЬ ВЫСТРЕЛА

В момент спуска курка необходимо задержать или, как говорят, затаить дыхание. От этого во многом зависит точность выстрела. Перед началом спуска курка надо сделать вдох, а затем неполный выдох и задержать на 7—10 секунд. Этого впол-

не достаточно для прицела и выстрела.

СПУСК КУРКА

Спускать курок нужно плавно и равномерно. Указательный палец накладывают на крючок первым суставом. На небольшие колебания ровной мушки не следует обращать внимания, а нужно продолжать плавный нажим на крючок. Но если колебания стали большими, нужно прекратить нажимать на крючок и сделать передышку (отвести взгляд от мишени и дать глазам отдохнуть).

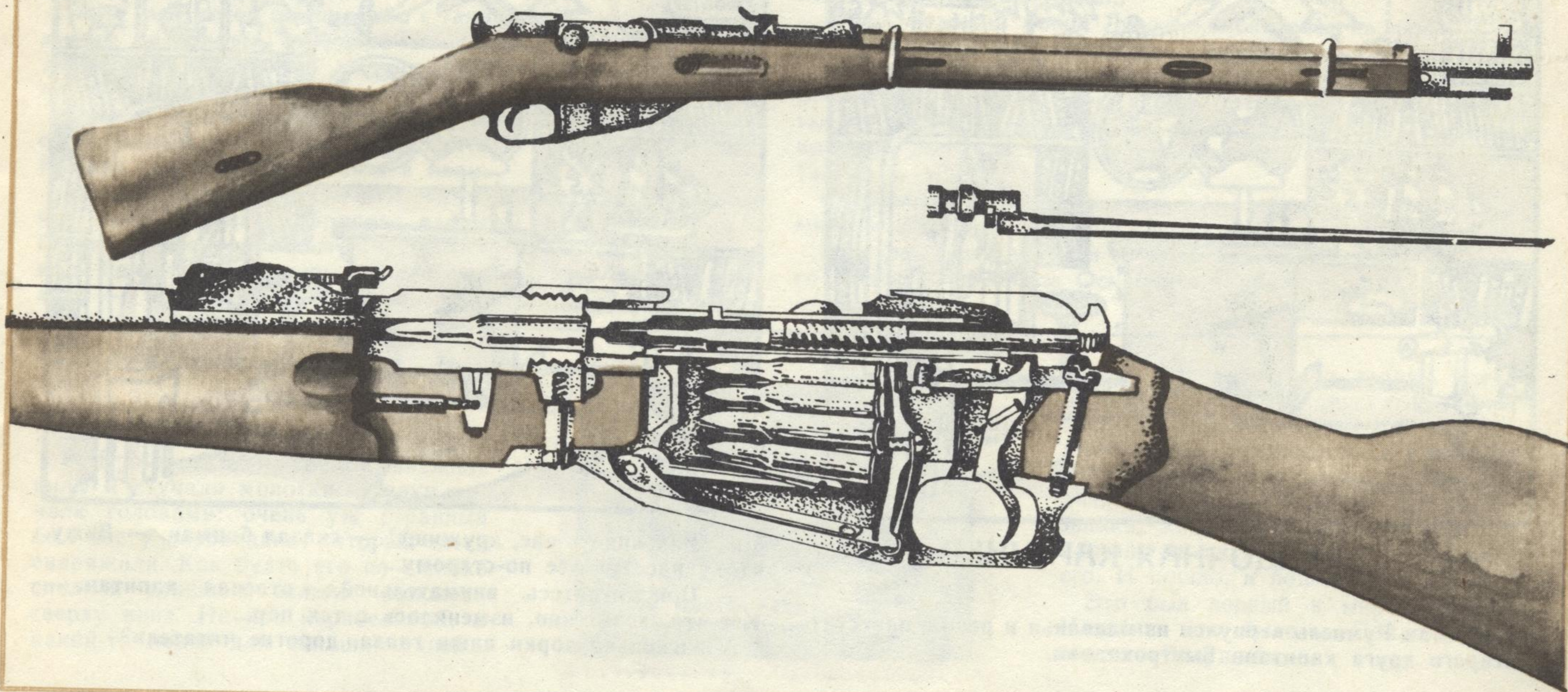
РУССКИЙ КОНСТРУКТОР С. И. МОСИН

(1849—1902)

Наверное, ни один тип стрелкового оружия не служил русской, а потом советской армии так долго, как трехлинейная винтовка образца 1891 года. Более 60 лет состояла она на воору-

жении, претерпев за это время лишь незначительные изменения. Конструктором этой замечательной винтовки был выдающийся русский военный инженер генерал-майор Сергей Иванович Мосин. После окончания в 1875 году Михайловской артиллерийской академии, молодой офицер был направлен на Тульский оружейный завод, где он приступил к разработке магазинной винтовки. К 1890 году знаменитая «трехлинейка» была создана. Она имела отличные показа-

тели: прицельная дальность стрельбы до 2000 м, боевая скорострельность 10—12 выстрелов в минуту, вес 4 кг, количество патронов в магазине 5. Уже через год после создания, винтовка была принята на вооружение в русской армии. В том же году талантливый конструктор был удостоен премии, присуждавшейся за выдающиеся труды в области артиллерии. В 1958 году в Туле был открыт памятник выдающемуся конструктору.

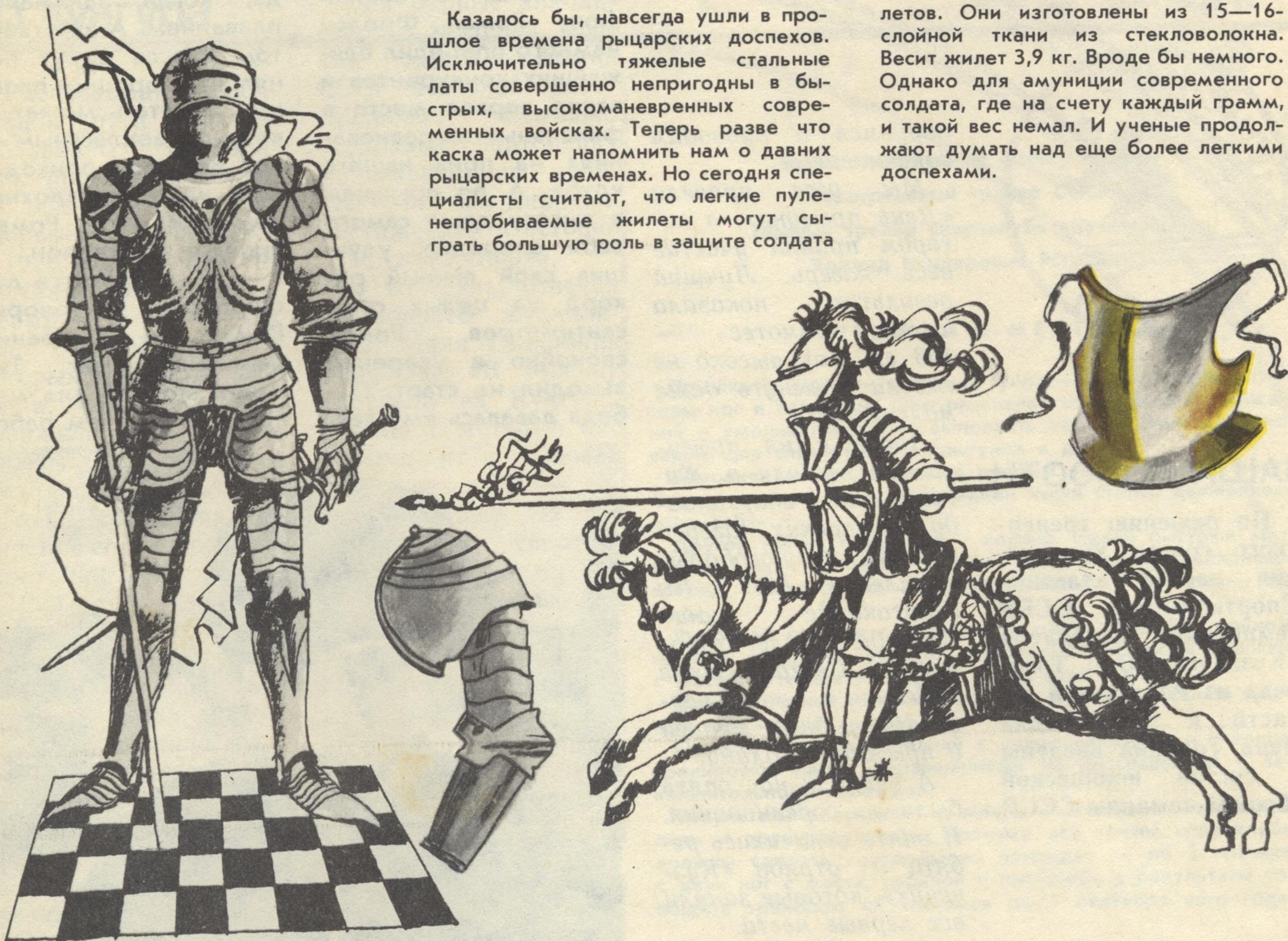

НУЖНЫ ЛИ В НАШЕ ВРЕМЯ ЛАТЫ?

Казалось бы, навсегда ушли в прошлое времена рыцарских доспехов. Исключительно тяжелые стальные латы совершенно непригодны в быстрых, высокоманевренных современных войсках. Теперь разве что каска может напомнить нам о давних рыцарских временах. Но сегодня специалисты считают, что легкие пуленепробиваемые жилеты могут сыграть большую роль в защите солдата

от осколков и пуль. Все дело упирается в вес такого жилета. За рубежом были созданы опытные модели жилетов. Они изготовлены из 15—16-слойной ткани из стекловолокна. Весит жилет 3,9 кг. Вроде бы немного. Однако для амуниции современного солдата, где на счету каждый грамм, и такой вес немал. И ученые продолжают думать над еще более легкими доспехами.

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

ОТДЕЛЕНИЕ. Происходит от русского глагола «отделить» и является самым маленьким, изначальным подразделением армии. В XIX веке рота,

состоящая примерно из 200 человек, делилась на две полуроты. Полурота состояла из двух взводов, а взвод из четырех отделений.

СТРЕЛЬЦЫ

С появлением ручного огнестрельного оружия главную роль в армиях прошлого начала играть пехота. В 1550 году русский царь Иван IV образовал особый постоянный корпус из 3 тысяч человек «выборных стрельцов из пищалей», которые стали жить в особых слободах. Стрелецкая служба была пожизненной и переходила по наследству. Трудно было попасть в стрельцы, но еще трудней было уйти в отставку. Известен случай об одном московском стрельце, прослужившем семьдесят лет.

Когда не было войны, стрельцы

выполняли самую разнообразную государственную службу: дежурили у городских ворот, охраняли при перевозке «государеву казну», тушили пожары, ловили разбойников, обеспечивали безопасность иностранных посольств.

Огромную роль сыграли стрелецкие войска в русско-турецких войнах конца XVII века.

Петр I, создавший в России регулярную армию европейского типа, упразднил стрелецкие подразделения.

Оформление В. Цикоты

НАШИ НОВОСТИ

По решению тренерского совета Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР чемпионки спортклуба «Кузнечик» Оля Токарева из Ростовской области и ленинградка Лена Топчина введены в состав юношеской сборной команды СССР.

Пишу тебе из пионерского лагеря. Здесь мне очень нравится. Еще в первый день, как только мы сюда приехали и нас распределили по отрядам, выяснилось: почти все ребята нашего отряда увлекаются прыжками в длину и высоту. И поэтому свой отряд мы решили назвать «Кузнечик».

Жизнь в лагере проходит очень интересно. Устраиваем трудовые десанты на поля подшефного колхоза, ходим в лес за грибами, часто купаемся и, конечно, регулярно тре-

нируемся и проводим соревнования.

Мы уже провели «День прыгуна», в котором принял участие весь лагерь. Лучший результат показала Света Самотес — 153 см. Так высоко не смогли прыгнуть даже мальчишки.

После «Дня прыгуна» мы ездили в Житомир, на I спартакиаду пионерских лагерей области по многоборью комплекса ГТО. На спартакиаде наша команда заняла второе место, а Света Кузякив победила в личном первенстве и была лучшей в прыжках в длину.

А вчера у нас опять были соревнования. И опять отличились ребята из отряда «Кузнечик», которые заняли все первые места.

Ира Семенова,
п/л «Сокол»,
Житомирская область

...Пишу вам по поручению ребят нашего двора. Нас двенадцать человек. Мы все очень любим прыжки в длину и высоту и хотим вступить в ваш клуб. Мы организовали свой маленький клуб и тоже назвали его «Кузнечик». Старшим ребята выбрали меня. Заполненные анкеты высылаем. Если по результатам мы пока не подходим, то напишите, над чем нам нужно работать. Мы будем очень стараться...

Юра Карякин
город Котельнич

По результатам многоборья шестиклассник 36 школы Ростова-на-Дону Роман Фролов намного опередил ближайших конкурентов и занял первое место в финальных соревнованиях на приз нашего клуба. А по прыжкам в высоту даже самого себя опередил, улучшив свой личный рекорд на целых семь сантиметров. Роман спокойно и уверенно выходил на старт. Победа давалась ему лег-

трудолюбие он выработал в себе еще тогда, когда занимался плаванием. А в четвертом классе вдруг понял, что хорошим пловцом он стать может, а вот первоклассным — нет. Все реже приходило к нему это вдохновение. И тогда Роман пришел на стадион.

— Мне нравится десятиборье, — говорит Роман. — Особенно барьерный бег. Тут много нового для меня, есть над чем рабо-

ко. Когда после соревнований его спросили, был ли у него какой-нибудь секрет, Роман ответил:

— Просто у меня было вдохновение...

Конечно, вдохновение — это замечательно. Но чемпион не сказал о том, что была и просто работа. Тренировки четыре раза в день при любой погоде. И так три года подряд. Это терпение и

татья. Это как математика: чем больше узнаешь тему, тем она интереснее.

Роман не случайно сравнил легкую атлетику с математикой. Он постоянный участник школьных математических олимпиад. Здесь у него тоже свои достижения и победы. Наверно, и в этом ему помогает вдохновение.

С. ЧИГАРЕВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Выступая на городских соревнованиях в Ленинграде, член нашего спортклуба Лена ТОПЧИНА взяла высоту 182 см и стала первым «кузнечиком» — мастером спорта СССР.

Рекордсменка из Кунгура

Рассказывая о спортивном пути Милицы Федоровны Голдобиной, просто невозможно обойтись без слов «первые» и «первая».

1920 год. Первая областная олимпиада в Перми. Это были первые соревнования, в которых выступала Миля и, самое главное, одержала свои первые победы. Ведь ей было всего пятнадцать лет, и она соревновалась вместе со взрослыми спортсменками.

1923 год. Москва. Миля Голдобина — участница Первого всесоюзного спортивного праздника, на котором установила высшее достижение по прыжкам в высоту — 135 см.

А в 1924 году, уже на Втором спортивном празднике, улучшила свой рекорд сразу на 5 см. Но главный ее успех был впереди.

В программу праздника входили и соревнования среди женщин по прыжкам в высоту с шестом. И Миля показала фантастический по тем временам результат — 235 см. На 15 см выше офици-

ального мирового рекорда американки Карл.

Под бурные аплодисменты зрителей нарком здравоохранения СССР Николай Александрович Семашко поздравил спортсменку с выдающимся успехом — первым мировым достижением в истории советского спорта.

В тот день, отвечая на вопросы журналистов, Миля Голдобина говорила: «В Москву приехала из Кунгура. У отца с матерью нас семеро: пять сыновей и две дочки. Я — самая младшая. И все занимаемся спортом. Однажды увидела, как братья с помощью березового шеста перепрыгивают через ворота нашего дома, думаю: надо и мне научиться. И когда научилась, тоже стала сигать через ворота, отец сперва ругался. Но потом — ничего... Вот даже туфли спортивные сшил. Он у нас на все руки — мастер».

К этому мне остается добавить, что наша первая мировая рекордсменка и поныне живет в родном Кунгуре. Окончив физкультурный техникум, Милица Федоровна всю свою жизнь работала в школе, преподавателем физкультуры.

А. ШЕДЧЕНКО

Ведет заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР,
главный тренер спортклуба «Кузнечик»
Эдмунд Исидорович РОХЛИН

ПРЫЖКИ С МЕСТА

Прыжки с места — отличное упражнение для развития силы ног и туловища. Оно развивает координацию движений и умение правильно выполнять толчок. Это особенно важно для спринтеров и прыгунов в длину.

Выполняя толчок, следи за полным выпрямлением ноги. Ставь ногу на толчок с передней части стопы, движением «под себя».

Другой ногой, сгибая ее в колене, делай быстрый мах вперед-вверх. Туловище должно быть немного наклонено вперед. Приземление на рыхлый песок, а в зале — на маты.

Выполняй прыжки с двух ног с места (рис. 1), тройной прыжок (рис. 2), пятерной, десятерной, а также прыжки с места, отталкиваясь одной ногой (рис. 3).

Каждый толчок выполняй активно, стремясь сделать прыжок как можно дальше.

Прыжки с места выполняй в конце разминки и в конце тренировки, перед упражнениями на расслабление и заключительной пробежкой.

Результаты в прыжках с места — хороший показатель силы и тренированности. Поэтому все члены спортклуба должны сделать контрольную прикидку — по 3 прыжка с двух ног с места, тройной и пятерной, а результаты сообщить тренерам «Кузнечика» до 1 сентября сего года.

РАЗРЯДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

Виды легкой атлетики		Разрядные нормы			
		мастер спорта СССР	КМС	I разряд	II разряд
Высота (см)	юноши	215	208	195	160
	девушки	182	175	165	150
Длина (см)	юноши	770	740	700	640
	девушки	625	610	570	520
60 метров (сек.)	юноши	6,75	6,7	6,9	7,2
	девушки	7,55	7,5	7,7	8,0

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНОК

Оформление Л. Каминова

ОТРЯДНАЯ ПЕСНЯ

Отряд репетировал песню полдня.
Меня же — замучила скука.
Сказала вожатая, что у меня
Ни голоса нету, ни слуха.

Сказала она, чтоб я рот разевал,
Но только беззвучно, как рыба.
И я отошел, и обиду скрывал,
Вожатой ответив: «Спасибо...»

Зато в тихий час я вскочил на кровать
И пел эту песню опять и опять,
Пока вся палата не встала,
Пока подпевать мне не стала.

С. МАХОТИН

ПЕНАЛЬТИ

Рисунок Ю. Милейко

Часы с кукушкой

Михаил ЯСНОВ

Чуть свет я проснулся —
Измята подушка.
Наверно, меня
Разбудила кукушка.
Она умолкла на миг
И опять
Над самой кроватью
Давай куковать!
Спросонок мне стало
Ужасно обидно:

Часы у кого-то
Испортились, видно.
Мне рано вставать!
Приниматься за труд!
Ну как же так можно?
Поспать не дают!
Я снова полез
Под свое одеяло...
А это кукушка
В лесу куковала!

ПРО ШКАПИНА ГРИГОРИЯ (четвертая история)

Рисунки К. Кюфа

Конкурс «и все засмеялись!»

СПОРТСМЕН

Однажды в пионерском лагере мы устроили соревнование — кто больше всех подтянется на турнике. Вот к турнику подошел известный балагур и шутник из I отряда Петя Муравьев. Он начал подтягиваться, а физрук считал:

— Раз, два, три, четыре...

В это время кто-то из ребят стал баловаться, и физрук отвлекся, чтобы сделать ему замечание. Когда физрук снова повернулся к Пете, тот сказал:

— Девяносто девять! — и спрыгнул на землю.

И все засмеялись!

*Игорь Витрищак,
7 класс,
Воронеж*

В нашем дворе задиристый пес Жюлька погнался за кошкой и долго гонял ее по двору. Тут прибежала хозяйка кошки, второклассница Вика. Она прогнала собаку, а кошку взяла на руки, стала ее гладить и приговаривать:

— Ах, ты моя бедная, как ты испугалась, как ты побледнела...

И все засмеялись!

*Ира Петрусенко,
поселок Ждановка*

БУДУЩИЙ ЧЕМПИОН

В первый же день прибытия в пионерский лагерь вожатый стал записывать ребят в различные кружки и секции. Витя Кошкин сразу записался в баскетбольную секцию. На завтра он подошел к вожатому и попросил, чтобы его записали еще в секцию футбола. Кто-то из ребят сказал:

— Витя, а не много ли тебе будет — две секции?

— Ерунда, — ответил Кошкин. — Зато увидите, как я через месяц буду мяч ногой в кольцо забрасывать!

И все засмеялись.

*Лариса Мирошникова,
6 класс,
Чита*

ПОСПЕШИЛ!

Как-то у нас в классе проводился сбор, посвященный дисциплине. Ребята собирались медленно, и вожатый нервничал. Наконец все уселись.

Старший звеньевой вышел и сказал, обращаясь к вожатому:

— Товарищ вожатый, разрешите начать сбор!

Вожатый быстро ответил:

— Сбор, посвященный вопросу дисциплины, разрешить начинаю!..

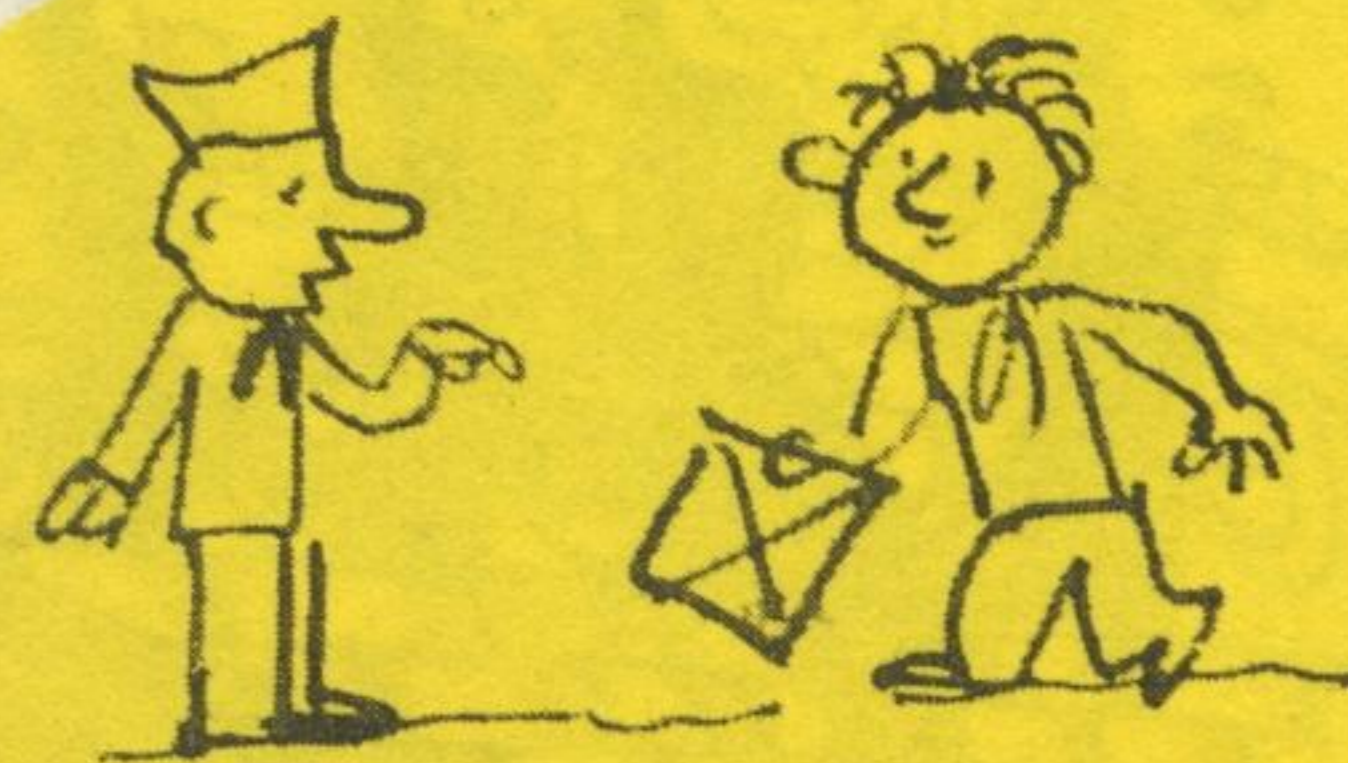
И все засмеялись!

*Саша Мейнгарт,
8 класс,
поселок Щербаково,
Кустанайская область*

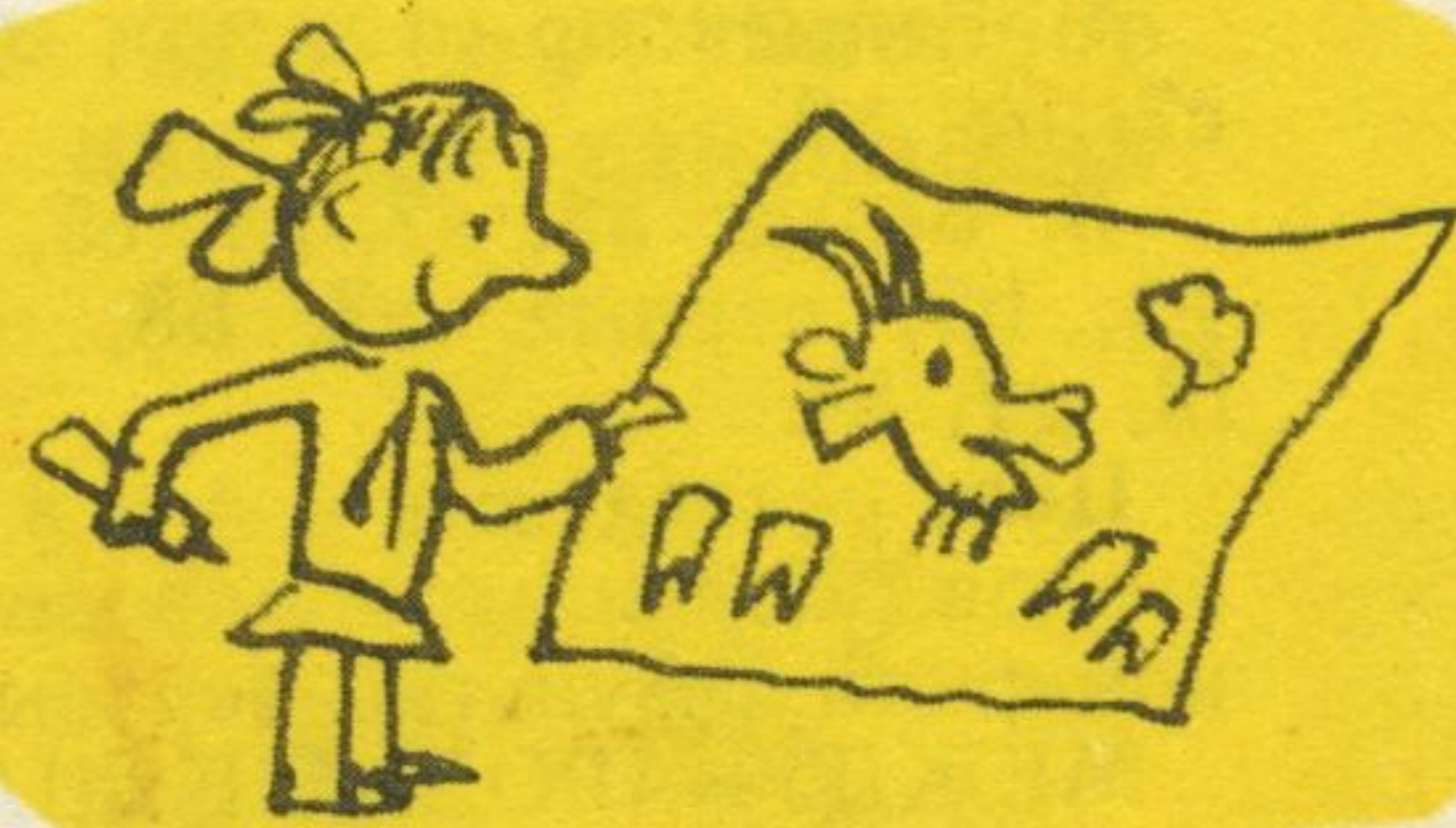
ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

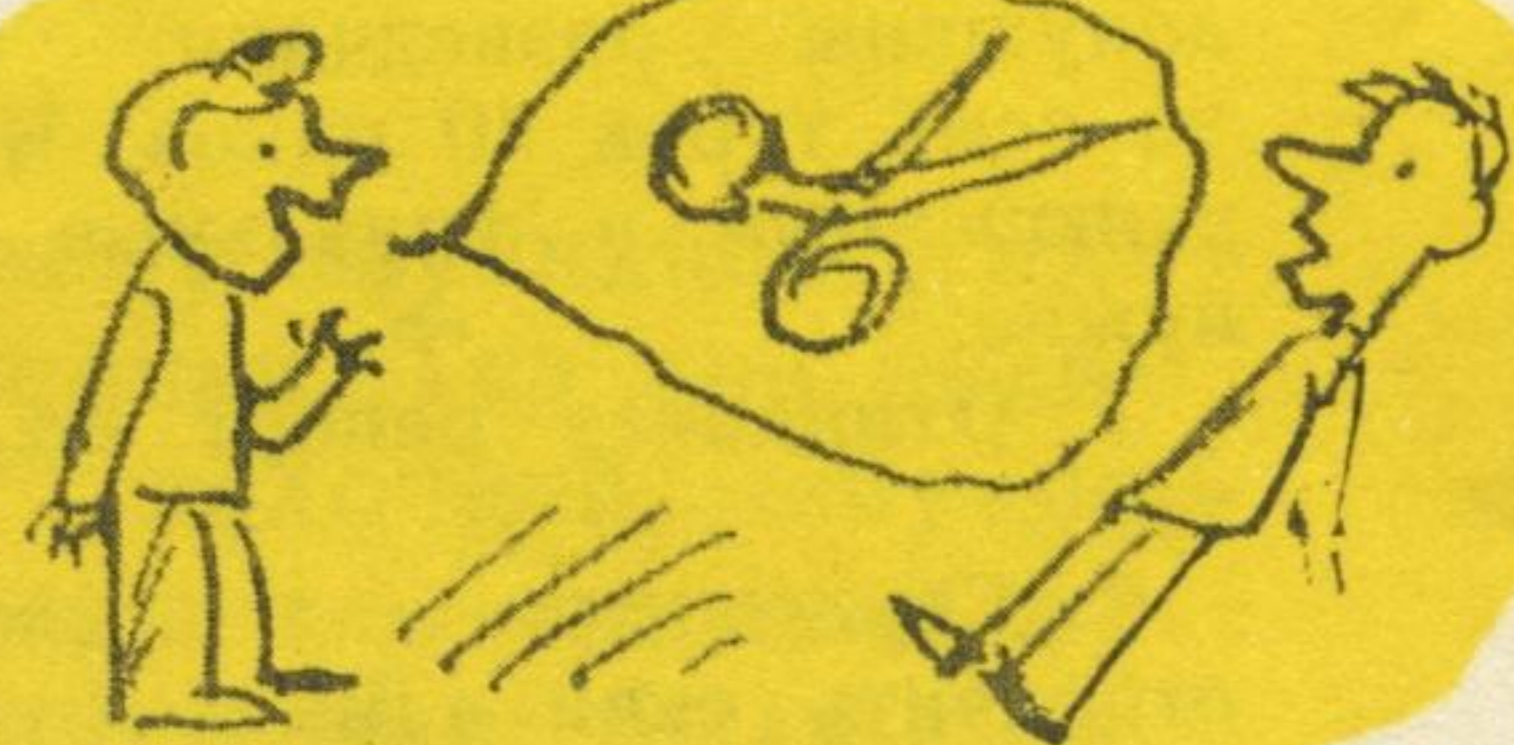
В пионерлагере:
— Петя, ты уже написал письмо родителям?
— Написал.
— Дай списать!

В кружке рисования:
— Ребята, вам было задание сделать рисунки по фрагментам сказки. Маша, покажи свою работу.
— Вот. Сказка про серенького козлика.
— Не могу понять, что ты нарисовала...
— Это фрагменты козлика.

— Хочешь, я тебе загадаю загадку?
— Хочу.
— Отгадай, что это: «Два кольца, два конца, а посередине — ножницы»...

Прислали: *В. Травин*
(г. Павловск),
Анжела Очирова
(Новосибирская обл.),
Оксана Эйзенцимер
(Караганда)

ЧЕМПИОНАТ-82

Итак, доблестные разведчики, сегодня седьмой тур — последняя возможность завоевать очки, которые обеспечат пропуск в финал.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крг1, Фе5, Сс3, Кd4, пп. g3, h2; черные: Крг8, Фh3, Ла2, Лf8, пп. f7, g6, h7.

Б. Белые: Кра8, Лс3; черные: Крh8, Сd1, пп. d2, d6.

Цель разведки: А — установить, чья победа (белых или черных?), Б — найти для белых путь к ничьей.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: пр. e3, g5; черные Д. с7, пр. h2.

Б. Белые: a5, a7, b4, c5, d6, e5, f2, g3, h6; черные: a3, b8, d2, d8, f4, f8, g7, h4.

Цель разведки: и в А и в Б (А. Сибоедов, Ленинград) определить закономерный результат борьбы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 23, 31, 33; черные: 12, 13, 21, 22, 32.

Б. Белые: 18, 23; черные: 2, 3, 20.

Цель разведки: в обеих позициях (автор — первый чемпион мира француз Исидор Вейс) выявить, могут ли белые спастись.

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Из штаба АРЧЕБЕКА сообщают...

Финал Чемпионата начнется в «Костре» № 8. К участию в нем будут допущены разведчики, набравшие за семь туров 40 очков. Чтобы быть включенным в финальные сражения, нужно:

1. Отправить рапорт по седьмому туру.

2. Спустя три дня после рапорта отправить свой «Листок учета» (на открытке!). В нем проставить набранные очки за туры 1—4 (по данным из «Бюро самопроверки») и за туры 5—7 (по собственным предположениям). И четко — печатными буквами! — указать фамилию, имя, класс, адрес, спортивный разряд (если есть).

3. Затем ждать от главнокомандующего АРЧЕБЕКОМ письма. В этом письме будет:

а) извещение о допуске в финал;

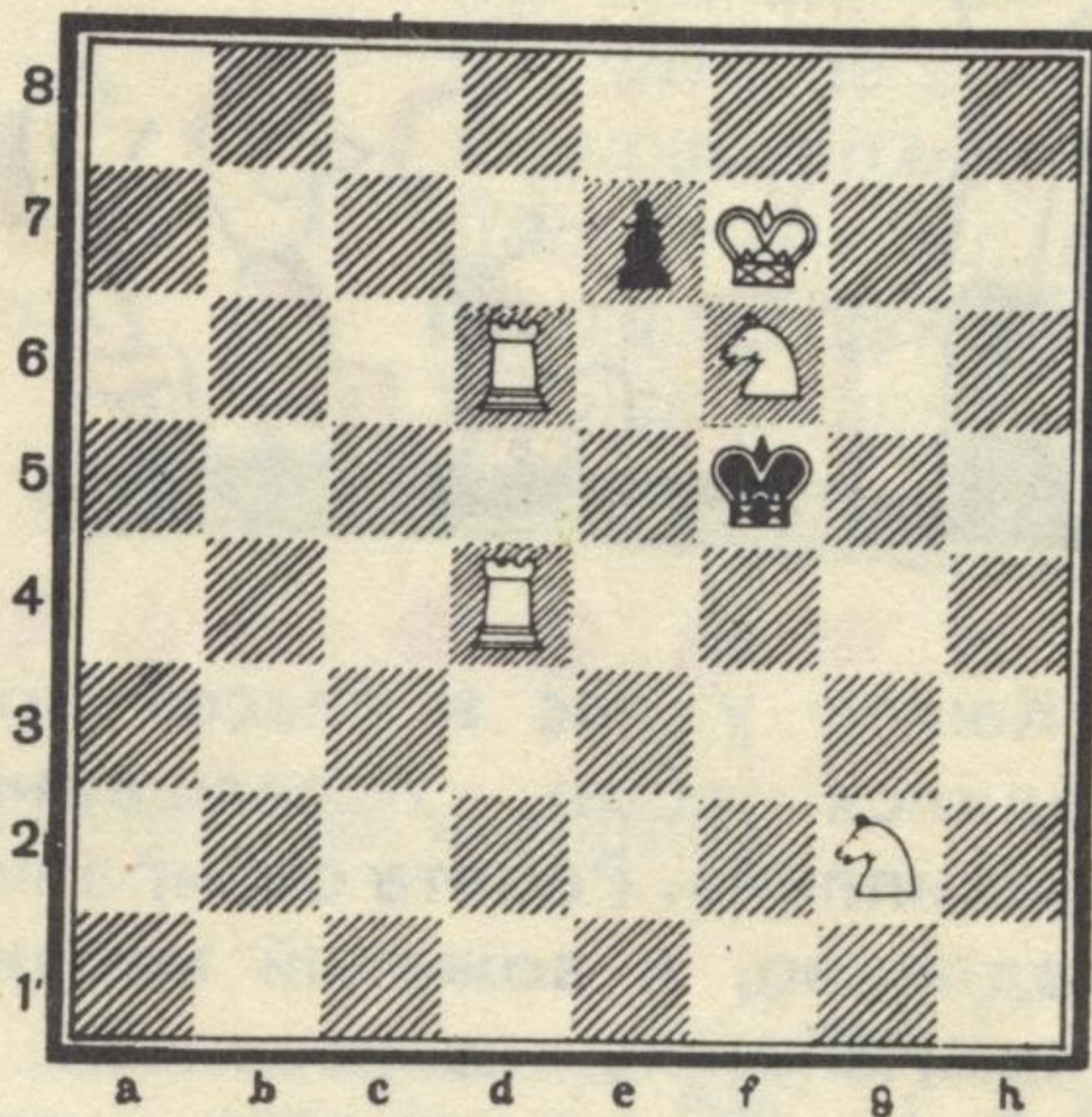
б) новый пароль (без него рапорты по финалу не примут);

в) анкета (ее нужно сразу заполнить и вернуть);

г) чистый конверт (его следует сохранить до финала, а в № 8 будет написано, как им распорядиться).

ТЕРЗАНИЯ ПЕШКИ

Вы видите на диаграмме черную Пешку? Черные фигуры отважно сражались, а она даже и хода не сделала! А ведь еще в самом начале намеревалась она двинуться...

«Какой же сделать мне первый шаг? — размышляла она. — Спрошука у соседней Пешки...» И спросила: — Как мне лучше шагнуть? На одно поле вперед или на два?

— Конечно, на одно! Шагнешь на два — все скажут, что слишком далеко пойти захотела.

«А ведь верно... Шагну на одно!» — твердо решила наша Пешка. И тут заметила Слона.

— Как мне лучше шагнуть? На одно поле вперед или на два?

— Ясно, на два! А то все скажут, что ты в хвосте плетешься.

«Ох, как это правильно! А я-то хотела... Нет уж — шагнуть надо на два!» — снова весьма твердо решила Пешка. И увидела Коня.

— Как лучше?.. На одно поле вперед или на два?

— Что за вопрос! На одно, понятно. Или хочешь, чтобы сказали, что ты Королеву из себя разыгрываешь?

«Умница Конь! Скажут ведь. Точно скажут! Теперь-то все ясно: шагну на одно поле», — приняла очень твердое решение Пешка.

И увидела Ладью.

— Как лучше?..

И она спрашивала, и спрашивала, и спрашивала, и всякий раз принимала твердые решения, но... не двигалась. А тем временем получилось положение, которое вы здесь видите, где ей уже некого было спросить, кроме самого Короля.

— Ваше Величество! А как мне лучше пойти? — задала свой обычный вопрос Пешка.

Но тут белые сделали ход, и черный Король сдался: ведь теперь никакого значения не имело, куда шагнет его Пешка — от мата на следующем ходу спасения не было.

Какой же ход в позиции на диаграмме (А. Шапошников, г. Горький) сделали белые? Кто из вас, доблестные разведчики, сумеет это определить?

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крf7, Фf1, Се6, п. b6; черные: Кра8, Фg1, Сb8, пп. a6, b7, h2. Не правда ли, кажется, что у черных преимущество? Их король, как будто надежно защищен, их пешке всего шаг до превращения в ферзя... Однако ход сейчас белых, и это позволяет им одержать победу! Каким же образом?

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты до 1 октября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОВЕТЫ МАШИ ИСКУСНИЦЫ

Люся Китаева из города Семенова прислала интересный подарок — берестяной туесок для ягод. Сделан туесок из целого куска бересты, сшит суровыми нитками. (Рис. 1.)

Бересту снимают только со спеленных деревьев, выбирают на стволе березы гладкие без сучков места. Можно снять бересту листом и лентой (рис. 2).

Срезанную бересту очищают — белую наружную сторону сдирают ножом или шкуркой, освобождая от грязи, грибков, мха. Внутреннюю сторону очищают от остатков коры. Для мелких поделок береста распаривается и расслаивается на 2—3 слоя.

Этот туесок сшит из ленты (рис. 3, 4). Если туесок из целого листа бересты, его можно не сшивать, а скрепить. Сначала попробуйте сделать и закрыть «замок» на бумажной выкройке (рис. 5, 7). Донышко — из дерева. Диаметр его чуть больше диаметра внутренних стенок туеса. Края стенок распаривают, и донышко легко вставляется, когда стенки высохнут, оно плотно закрепится.

Галя Пронина (Петрозаводск), Алла Корхонен (пос. Ильинское, Карельская АССР), Ирма Соловьева (Минск) и другие девочки спрашивают: можно ли дома сделать майонез?

Яичные желтки посолить, добавить чуть сахара и горчицы, перемешать. Вливать по чайной ложке растительное масло, каждый раз смешивая его с желтками. После получения однородной массы влить немного уксуса. Если соус густ — добавить немного теплой воды.

На полстакана подсолнечного или оливкового масла 1 желток и 1 столовая ложка уксуса.

Рисунки Т. Петуховой

Рисунки
Ю. Беломлинской

Средневековые алхимики пытались „делать“ золото. Самое интересное, что у них для этого был даже рецепт. Вот он:

Возьми ртути, сколько нужно,
Положи в сосуд, какой знаешь,
Пусть варится, как тебе известно,
Добавь того, о чем слышал,
В количестве, о котором шла речь.
Вот тайна.

Энтузиазм „искателей золота“ не мог не дать побочных плодов. Алхимики изобрели или ввели в обиход науки: методы точных взвешиваний, огнеупорные тигли, стеклянные и керамические сосуды для лабораторий и среди них реторту, которая стала эмблемой всей химии. Еще они открыли сурьму, научились делать рубиновое стекло, а алхимик Бётгер изобрел саксонский фарфор.

Совсем забавно, что кое-чему научились у алхимиков и современные фокусники. Так они пользуются порой „волшебной“ палочкой, внутри которой спрятан нужный предмет. Алхимики же придумали ее не от хорошей жизни: были случаи, когда самодур феодал, заперев „алхимика“ в темницу, угрожал ему, если тот не добудет драгоценный металл, смертью. С помощью палочки на дно колбы незаметно опускался крошечный слиток и... расправа отодвигалась.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

МАСТЕРИЦА

У меня терпенья много,
А работа нелегка:
Вышиваю бабушке
Два шелковых платка.

Первый я закончила —
На нем наш синий пруд,
Небо светло-голубое,
Утки по воде плывут.

На втором я вышиваю
Незабудок хоровод.
И иголочка, словно рыбка,
По платку сама плывет.

*Ира Журавлева,
5 класс,
Каменск-Уральский*

БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ

Еще не проснулись
Притихшие волны,
Ветер относит
Туман к берегам.
Скользит горделиво
Навстречу рассвету
Яхта «Бегущая по волнам».

Поблекшие звезды
Повисли над реей,
Луна перечеркнута
Клетками вант.
У левого борта
Рядом с Гарвеем
Стоит вся воздушная
Фрези Грант.

О, сколько еще
Впереди испытаний!
Но их не боится
Бесстрашный Гарвей:
И зло одолеет,
Да! Зло одолеет
Настойчивость
Честных и смелых людей!

*Лариса Марцева,
6 класс,
Львов*

Рисунок К. Почтенной

НОЧЬ

Опускается ночи покров,
Зажигаются звезды высоко,
И тихонько воде на ушко
Что-то важное шепчет осока.

Ночь тиха. Опустилась она,
Как на землю спускается сказка
И деревья, кусты говорят
Без опаски, совсем без опаски.

*Соня Богданова,
6 класс,
Москва,*

Некто
взял из
сокровищницы
 $\frac{1}{3}$
Из того, что осталось
другой взял $\frac{1}{7}$
Оставил же он
в сокровищнице 150.
Сколько было
в сокровищнице первоначально?

В дремучем африканском лесу наши путешественники увидели странное животное.

— Мне кажется, что перед нами жираф, — сказал боцман Дваждыдва. — У него слишком длинная шея.

— Нет, — возразил юнга Румбик. — Судя по туловищу, это — антилопа.

— Но у него ноги в полоску, — воскликнул кок Чайнвордыч, — как у зебры!

— Перед нами ни то, ни другое, ни третье, — решительно сказал Разгадайка. — Перед нами...

Как называется странное животное?

Во время отдыха Разгадайка и его друзья решили вот такой кроссворд:

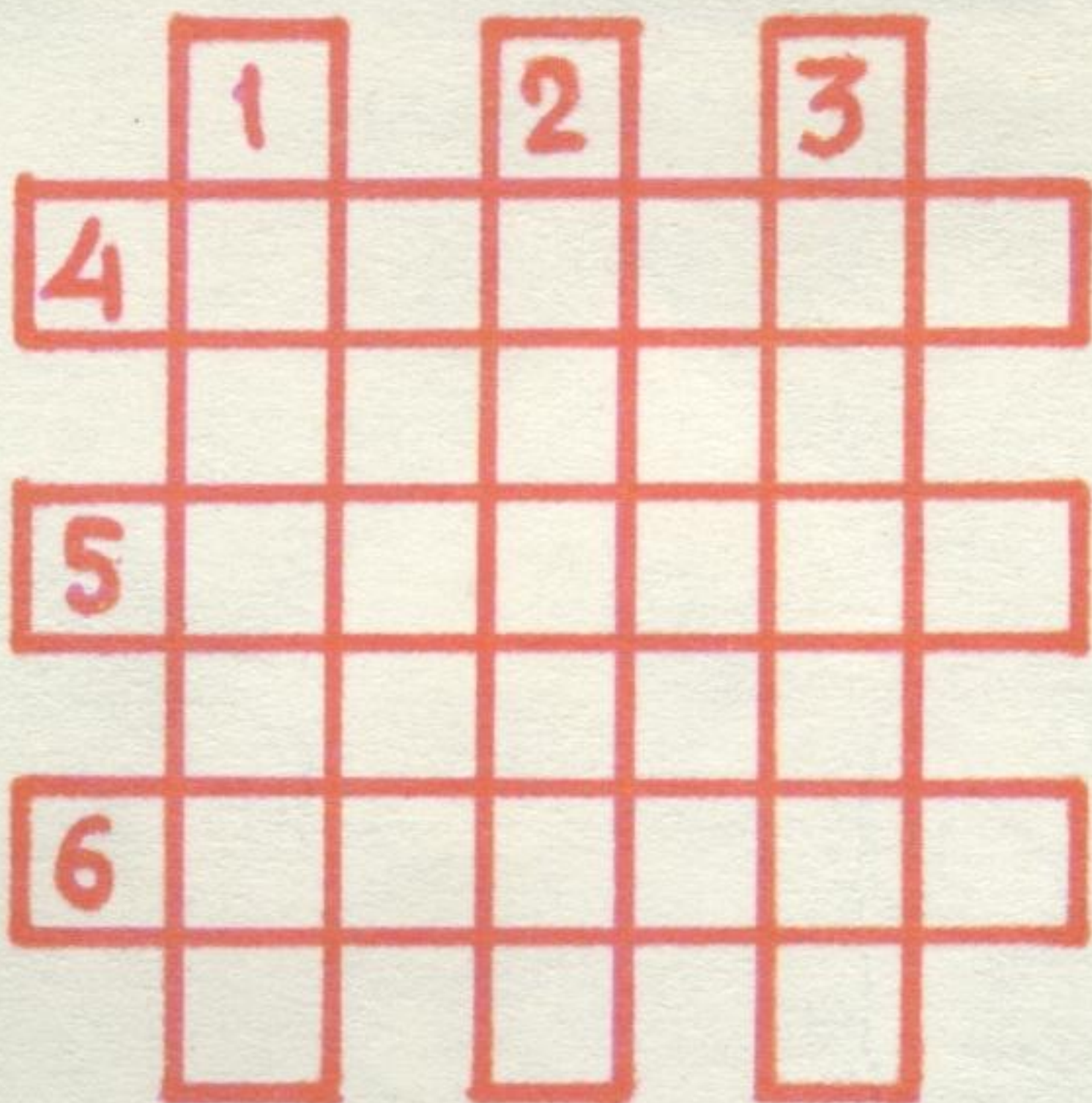
1. Французский мореплаватель XVIII века. 2. Море Северного Ледовитого океана. 3. Остров близ берегов Греции. 4. Вереница судов, следующих друг за другом. 5. Астрономический угломерный инструмент, применяемый мореходами. 6. Теплое течение Тихого океана.

Привал. Чайнвордыч хлопотал у костра, готовя обед. Он налил в котелок сырой воды.

— У меня в термосе осталось столько же кипяченой, — сказал Румбик. — Возьмите ее.

Чайнвордыч поблагодарил и поставил котелки с сырой и кипяченой водой на огонь.

В каком из них вода закипит быстрее?

— Этой задаче уже несколько тысячелетий, — сказал Разгадайка своим друзьям. — Однако решить ее так же трудно, как и древнеегипетским ученикам (рис. 1).

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 6

В ребусе зашифровано слово: Африка.

Обладая по отношению к своей массе весьма большой поверхностью, мелкие капельки облаков при падении испытывают значительное сопротивление воздуха. Медленное падение облаков остается либо незамеченным, либо компенсируется поднятием восходящими воздушными течениями.

Стершаяся запись:
 $987 \times 121 = 119\,427$.

Кок Чайнвордыч имел в виду остров Европа, находящийся между Мадагаскаром и Африкой.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-32103. Сдано в набор 05.04.82. Подписано к печати 08.06.82. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 6 Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,6. Печать офсетная. Тираж 766 000 экз. Заказ 4408. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

30 к.

Индекс 70445

ком 19-13 кост

Марки из коллекции ленинградской школьницы Иры Коваленко.